Запах смерти

Автор:
Саймон Бекетт

Запах смерти

Саймон Бекетт

Детектив – самое лучшееДоктор Дэвид Хантер #6

В холле старинного, давно заброшенного больничного комплекса, готовящегося на слом, неожиданно находят труп. Знаменитого эксперта-криминалиста Дэвида Хантера вызывают осмотреть ужасную находку. Но прежде чем он успевает сделать выводы, частично обрушивается пол больничного чердака – и старая больница открывает новую мрачную тайну: замурованную комнату с кроватями, на которых лежат другие тела…

Дэвиду Хантеру многое пришлось повидать в жизни. Он имеет все основания считать себя человеком с крепкими нервами. Однако то, что происходит теперь, даже ему напоминает некий изощренный и извращенный ночной кошмар.

И чем дальше ведет его расследование, тем яснее он понимает: старая больница еще не забрала свою последнюю жертву…

Саймон Бекетт

Запах смерти

Посвящается моему отцу Фрэнку Бекетту (июль 1929 – апрель 2018), который всегда умел заглядывать вперед

Глава 1

Большинство людей полагают, будто им известен запах смерти. Якобы разложение обладает хорошо различимым, легко узнаваемым, дурным запахом могилы.

Они заблуждаются.

Смерть – процесс сложный. Чтобы некогда живой организм превратился в кучку иссохшихся костей и минералов, он должен пройти длинный ряд замысловатых биохимических преобразований. И хотя выделяющиеся при этом газы представляются неприятными, они лишь толика «меню», сопровождающего распад плоти.

Разлагающиеся ткани вырабатывают сотни хрупких органических соединений, и каждое имеет собственные неповторимые свойства. Многие из них – особенно те, что сопровождают распад плоти на средних его стадиях, гниения и вздутия, – обладают несомненно неприятным запахом, можно сказать, вонью. Диметилтрисульфид, например, пахнет гнилой капустой. Масляная кислота и триметиламин – смесью блевотины и тухлой рыбы. Еще одно вещество – индол – запахом напоминает фекалии.

Впрочем, в небольших количествах индол обладает изысканным цветочным ароматом, какому позавидовали бы производители парфюмерии. Гексанал, выделяющийся как на ранних, так и на поздних стадиях разложения, напоминает запахом свежескошенную траву, тогда как аромат бутанола сравним скорее с запахом опавшей листвы.

Аромат распада можно описывать до бесконечности – как букет хорошего вина. И поскольку если у смерти чего и хватает, так это сюрпризов, в определенных условиях он может проявляться совсем неожиданно.

Так, как вы этого никак не ожидали.

– Ступайте осторожнее, доктор Хантер, – предупредил идущий передо мной Уэлан. – Промахнетесь ногой мимо настила – и провалитесь сквозь потолок.

Он мог бы и не напоминать. Я поднырнул под низкую стропильную балку, каждый раз внимательно выбирая место, куда поставить ногу. Необъятный чердак превратился в духовку. Полуденная жара словно накапливалась под кровлей из сланцевых пластин, а медицинская маска мешала дышать нормально. Резинки от защитного капюшона больно врезались в лицо, руки в резиновых перчатках неприятно потели. Я еще раз попробовал смахнуть пот с глаз, но лишь размазал его по лицу.

Старый больничный чердак впечатлял своими размерами. Он тянулся во все стороны, и стены его растворялись в темноте, сгустившейся еще сильнее по контрасту с временным освещением. Настил из алюминиевых щитов, перекинутых между чердачными балками, прогибался под тяжестью наших тел.

Я только надеялся, что балки не прогнили.

– Знакомы с этой частью Лондона? – не оглядываясь, спросил Уэлан.

Акцент полицейского инспектора выдавал в нем уроженца северных мест – скорее ближе к Тайну, нежели к Темзе. Коренастый здоровяк лет сорока, когда мы с ним встретились примерно час назад, его вьющиеся седые волосы и борода насквозь промокли и даже немного разгладились от пота. Теперь же лицо Уэлана и вовсе скрылось под маской и капюшоном белого защитного комбинезона.

– Не очень.

– Ну без веской причины сюда лучше не заглядывать. Да и вообще избегать. – Он пригнулся под очередной стропильной балкой. – Осторожнее, берегите голову.

Я последовал его примеру. Даже с алюминиевым настилом перемещаться по чердаку было нелегко. Толстые деревянные балки нависали над головой, казалось, без всякой системы, только и ожидая возможности раскроить череп всякому, кто недостаточно пригнется, а над полом, если его можно так назвать, тянулись старые трубы, как бы приглашавшие споткнуться. Повсюду темнели кирпичные дымоходы, и часть их располагалась прямо на нашем пути, так что

алюминиевым щитам приходилось каждый раз огибать их.

Я смахнул с лица паутину. Покрытые толстым слоем пыли гирлянды паутин свисали со стропил, как изорванные театральные кулисы. Пыль покрывала на чердаке все – даже желтая строительная пена в местах соединений балок превратилась в бесформенные коричневые наросты. Хлопья пыли кружились в воздухе, вспыхивая в лучах полицейских ламп. Глаза слезились от пыли, и я ощущал ее даже во рту – несмотря на респиратор.

Что-то пролетело над головой. Я не столько увидел, сколько ощутил это и машинально пригнулся. Однако, выпрямившись, не увидел ничего, лишь темноту. Приписав это воображению, я сосредоточился на том, чтобы не промахнуться ногой мимо настила.

Светлый круг впереди обозначил нашу цель. Под яркими фонарями на штативах, на расширении настила у очередного дымохода стояла группа фигур в белом. С той стороны доносились приглушенные масками голоса. Полицейский фотограф снимал нечто, лежавшее у их ног.

Уэлан остановился, не доходя до них несколько шагов:

– Мэм! Эксперт-антрополог пришел.

Одна фигура отделилась от группы и повернулась в мою сторону. Та небольшая часть лица, которую я мог разглядеть поверх маски, раскраснелась и блестела от пота. Мешковатый белый комбинезон не позволял понять, мужчина это или женщина. Впрочем, мы уже не раз работали вместе. Приблизившись, я увидел, что все стоят вокруг предмета, завернутого, как в ковер, в синтетический брезент. Один край этого рулона был немного размотан. Из него выглядывало иссохшее, цвета сливочной помадки лицо с туго обтянутыми кожей скулами и пустыми глазницами.

Я не заметил очередной балки и стукнулся об нее головой – с силой, от которой даже зубы лязгнули.

– Осторожнее! – воскликнул Уэлан.

Я потер лоб. Было не так больно, как неловко. Хорошенькое начало.

Полдюжины лиц повернулось в мою сторону, бесстрастно глядя на меня поверх масок. Только у женщины, к которой обращался Уэлан, глаза прищурились, и в уголки их сбежались морщинки: она явно улыбалась под маской.

– Добро пожаловать в Сент-Джуд! – произнесла инспектор Шэрон Уорд.

Двенадцать часов назад я проснулся в холодном поту. Рывком сел в кровати, не понимая, где нахожусь. Рука моя непроизвольно ощупала живот, ожидая наткнуться на липкую кровь. Однако кожа под пальцами была сухой и гладкой, если не считать давно зажившего шрама.

– Ты в порядке?

Рэйчел встревоженно приподнялась на локте, положив другую руку мне на грудь. Сквозь тяжелые шторы пробивался дневной свет, позволявший различить силуэты мебели, не более. Я дождался, пока мое дыхание немного успокоится, и кивнул.

– Извини.

– Снова кошмар?

У меня перед глазами еще темнела густая кровь и блестело лезвие ножа.

– Ну не самый страшный. Я тебя разбудил?

– Меня и всех в доме. – Наверное, на моем лице отразился ужас, потому что она улыбнулась. – Шучу. Ты только дергался как безумный. Никто ничего не слышал. Опять тот же сон?

– Не помню. Который час?

– Начало восьмого. Я как раз собиралась вставать и варить кофе.

Остатки кошмара продолжали липнуть ко мне холодным по?том, когда я опустил ноги на пол.

– Все в порядке. Я сам приготовлю.

Натянув на себя какую-то одежду, я вышел и тихо притворил за собой дверь спальни. Стоило мне оказаться в коридоре одному, как моя улыбка исчезла. Я глубоко вздохнул, отгоняя остатки сна. Все это не взаправду, напомнил себе. На сей раз не взаправду.

В доме царила тишина, как бывает в ранние предрассветные часы. Громкое тиканье часов лишь подчеркивало тишину, пока я шлепал в кухню. Толстый ковер в коридоре сменился плиткой, приятно холодившей босые ступни.

Воздух не совсем еще остыл от вчерашней жары, а каменные стены старого дома хранили тепло бабьего лета, которым мы наслаждались последние дни.

Я накидал в фильтр молотого кофе, щелкнул выключателем кофеварки и налил себе стакан воды. Потом медленно пил воду, стоя у окна и глядя поверх садовых деревьев на зеленеющие поля. Солнце уже встало и сияло на синем небосклоне. Вдалеке паслись овцы, а чуть в стороне виднелась рощица, листва которой уже окрашивалась багрянцем. Она еще не опадала, но ждать этого осталось совсем недолго. Пейзаж напоминал картинку с подарочного календаря, на которой не может случиться ничего плохого.

Помнится, бывали места, где мне тоже так казалось.

Джейсон называл коттеджем их с Аней второй дом. По сравнению с их основным огромным лондонским особняком в парке Белсайз, возможно, это представлялось именно так, и все же характеристика была неточной. Выстроенный из теплого котсуолдского камня большой дом с соломенной крышей красовался бы на обложке любого журнала. Он находился на окраине славной деревушки, паб которой украшала мишленовская звезда, а узенькая главная улочка в выходные была забита «Рейндж Роверами», «Мерседесами» и «БМВ».

Когда Джейсон и Аня пригласили нас к себе на выходные, я опасался, не приведет ли это к неловкости. Они были моими лучшими друзьями до того, как

мои жена и дочь погибли в ДТП. Я и с Карой познакомился-то на одной из их вечеринок, и они были крестными у Эллис, так же как я – у их дочери, Миа. К моему облегчению, они приняли Рэйчел вполне благосклонно, но одно дело – выпить вместе рюмку-другую или пообедать, и совсем иное – провести в обществе друг друга несколько дней. Мы с Рэйчел познакомились полгода назад, когда я расследовал жестокое убийство в болотах Эссекса. Я боялся, что если взять ее с собой к друзьям из моей прошлой жизни, это может показаться странным, и наши прошлые взаимоотношения с Аней и Джейсоном заставят ее ощущать себя чужой.

Но все получилось хорошо. Если порой я и испытывал ощущение раздвоенности, когда моя прошлая жизнь накладывалась на новую, это всякий раз быстро исчезало. Выходные прошли в прогулках по полям и лесам Котсуолда, с обедами в местных пабах и долгими, ленивыми вечерами. По всем стандартам, это были абсолютно идиллические дни.

Если бы не ночные кошмары.

Кофеварка у меня за спиной начала булькать, и кухня наполнилась ароматом кофе. Я налил две чашки, когда лестничные ступени заскрипели под чьими-то шагами. Впрочем, и не оглядываясь, я знал, что это Джейсон.

– Привет, – произнес он, подслеповато щурясь спросонья. – Ты сегодня рано.

– Подумал, что неплохо бы сварить кофе. Надеюсь, это не страшно?

– Пока найдется чашка для меня – ничего.

Он опустился на стул у кухонного островка и сделал вялую попытку запахнуть халат, прежде чем его вид выйдет за рамки приличия. Впрочем, даже так из-под халата выбивалась буйная растительность на груди, тянущаяся вверх по шее вплоть до бритого подбородка. Заросшее щетиной лицо и редеющие волосы, казалось, принадлежали другому телу.

Джейсон взял у меня чашку кофе, буркнув что-то в знак благодарности.

Мы с ним знали друг друга еще со студенческой скамьи в медицинском колледже, задолго до того, как моя жизнь покатилась совсем по другим рельсам. Я предпочел медицине непростую карьеру эксперта-антрополога, а Джейсон стал преуспевающим хирургом-ортопедом, который мог себе позволить второй дом в Котсуолде. Он и в колледже не любил вставать рано, и прошедшие годы этого не изменили. Как и количества вина на сон грядущий.

Джейсон сделал глоток кофе и поморщился:

– Не знаешь никаких средств от похмелья?

– Не пей много.

– Смешной совет. – Он еще глотнул, на сей раз осторожнее. – Во сколько вы с Рэйчел собирались ехать?

– Не раньше обеда.

Из Лондона мы прибыли на моей, так сказать, новой машине – подержанном, однако вполне надежном внедорожнике, и не собирались возвращаться до сегодняшнего вечера. Но при мысли, что выходные почти прошли – и о том, что ждет меня завтра, – в груди возникла какая-то пустота.

– Когда у Рэйчел рейс? – поинтересовался Джейсон, словно угадав мои мысли.

– Завтра ближе к полудню.

Он внимательно посмотрел на меня:

– Ты в порядке?

– Да.

– Это же лишь на несколько месяцев. Все будет хорошо.

– Знаю.

Джейсон решил не развивать эту тему. Он встал, шагнул к настенному шкафу, достал из него упаковку парацетамола и ловким движением вытащил пару таблеток.

– Господи, что с башкой, – простонал он, открывая бутылку минеральной воды из холодильника. Запивая таблетки, Джейсон посмотрел на меня и скорчил кислую рожу. – Только не начинай.

– Я и слова не сказал.

– Вот и не надо. – Он вяло махнул рукой. – Ладно, валяй. Облегчи душу.

– А что толку? Мне ведь нечего добавить, кроме того, что ты и так знаешь.

В нашу бытность студентами Джейсон отличался отменным аппетитом. А теперь он достиг наконец того возраста, когда излишества начали сказываться. Стройностью Джейсон не отличался никогда, сейчас же набрал вес, и тело его приобрело рыхлость, дополнявшуюся нездоровым цветом кожи. Однако мы только недавно начали общаться после перерыва в несколько лет, и мне не хватало духу поднимать эту тему, как я сделал бы раньше. Я даже обрадовался, что Джейсон завел разговор первым.

– На работе напряг. – Он передернул плечами и посмотрел в окно. – Урезание бюджета, дежурства… Действует на нервы. Порой я думаю, что ты поступил правильно, уйдя из профессии.

Я выразительно обвел взглядом его красиво обставленную кухню:

– Ну ты тоже не бедствовал!

– Ты знаешь, о чем я. И потом, талия у меня, возможно, шире нормы, но я ведь не подсел на кокаин или что-либо еще.

– Уверен, твои пациенты благодарны тебе за это.

– Мои, по крайней мере, пока живы.

Похоже, юмор к Джейсону вернулся. Поглаживая живот, он направился к холодильнику.

– Как насчет сандвича с беконом?

Мы с Рэйчел уехали после ленча. Джейсон приготовил воскресное блюдо – шкворчащее говяжье ребро, с которым он справился просто замечательно, а Аня испекла на десерт меренги. Она настояла, чтобы мы захватили несколько штук с собой – вместе с парой толстых ломтей жареного мяса.

– Зато вам не придется заезжать в магазин, – заметила она, когда я попробовал отказаться. – Я же тебя хорошо знаю, Дэвид. Стоит Рэйчел уехать, как ты перестанешь готовить или вообще будешь обходиться тем, что найдешь в холодильнике. А на омлетах долго не проживешь, поверь мне.

– Я не живу на омлетах, – возразил я, хотя и сам не слишком-то верил в это.

Аня отозвалась на это со спокойной улыбкой:

– Ну тогда ты не будешь возражать насчет кое-какого провианта?

Всю обратную дорогу в Лондон мы с Рэйчел почти не разговаривали. Вечер был замечательный, поля Котсуолда пестрели изумрудными и золотыми красками, деревья с приближением осени тоже начинали желтеть. Однако призрак ее завтрашнего отлета будто незримо присутствовал в машине, отравляя нам удовольствие.

– Это лишь на три месяца, – промолвила Рэйчел, словно продолжая беседу. – И Греция не так далеко.

– Я знаю.

Греция не так уж и близко, но я понимал, что? она имеет в виду. Прошедшим летом Рэйчел сознательно отказалась от шанса продолжить карьеру океанолога в Австралии. Предпочла остаться со мной, поэтому мне не следовало возражать против временной работы в Эгейском море.

– И лететь туда всего четыре часа. Ты всегда можешь приехать ко мне на выходные.

– Все в порядке, Рэйчел, правда. – Мы уже давно решили, что этой работой она должна заниматься без помех. – Твоя работа, тебе нужно лететь. Будем видеться каждые несколько недель.

– Понимаю. Просто не хочу расставаться.

Я тоже не хотел. Подозреваю, Джейсон и Аня – скорее именно Аня – пригласили нас к себе именно поэтому: хотя бы немного отвлечь нас от мыслей о расставании. Впрочем, избежать их сейчас мы уже не могли.

Рэйчел перелистала не слишком обильное музыкальное меню музыкального центра.

– Как насчет этого? Джимми Смит, «Кошка»?

– Лучше что-нибудь еще.

Рэйчел бросила попытки найти что-либо в моем музыкальном собрании и просто включила радио. В общем, оставшуюся часть поездки мы проделали под шепчущий звуковым фоном рассказ о разведении альпак. Поля сменились пригородной застройкой, а та, в свою очередь, – кирпичом и бетоном городских зданий. Я успешно подавил машинально попытку свернуть к своей старой квартире в Восточном Лондоне. Бо?льшую часть минувшего лета я провел не там, но до сих пор испытывал странные ощущения, направляясь в другое место.

Улица, на которую я приехал, была тихой, зеленой. Миновав георгианские особняки, белевшие сквозь деревья, я направил автомобиль к раздражающе-современному многоквартирному дому, возвышавшемуся за ними. Построенный в семидесятых годах, десятиэтажный Бэллэрд-Корт, казалось, весь состоял из бетонных углов, и в его тонированных окнах словно в дымке отражалось вечернее небо. Я слышал, что дом считается одним из классических примеров бруталистской архитектуры, и я в это верю. Нечто брутальное в нем определенно есть.

Я притормозил у ворот и вставил карточку в слот. Пока ворота медленно открывались, я глядел на зазубрины балконов и не сразу заметил, что Рэйчел смотрит на меня.

– Что?

– Ничего, – отозвалась она, но губы ее кривились в легкой улыбке.

Заехав в ворота, я опять притормозил, давая открыться автоматическим воротам подземной парковки, и только одолев все эти рубежи, попал на отведенное мне стояночное место.

Мне уже пришлось раз получить сердитое письмо от управляющей конторы, когда я по ошибке поставил машину на чужое пространство. Меня предупреждали, что подобных нарушений здесь не потерпят. Бэллэрд-Корт отличался строгими правилами.

На лифте мы поднялись на пятый этаж. Вообще-то у главного входа находился ресепшен с дежурным консьержем, но, поскольку на парковку попадали по пропускам только жильцы, лифты миновали этот барьер, доставляя пассажиров прямо к квартирам. Двери раздвинулись, выпуская нас в просторный холл, по периметру которого темнели расположенные на изрядном расстоянии друг от друга дубовые двери с номерами квартир. Все это напоминало гостиницу, а постоянно витавший в холле мятный аромат усугублял ощущение.

Наши шаги по мраморному полу отдавались от стен гулким эхом. Отворив тяжелую дверь, я пропустил Рэйчел вперед. Дверь закрылась за нами с мягким, солидным щелчком. Выстеленный ковром коридор вел в просторную кухню, а уже из нее, пройдя под аркой, можно было попасть в столовую-гостиную. Ее пол покрывал тот же ковер, что и коридор, хорошо гармонировавший по цвету с терракотовой плиткой в кухне. На стенах висели абстрактные полотна, а в обтянутом кожей диване можно было буквально утонуть. По всем меркам, эта квартира была прекрасна, на порядок круче той, в какой я жил прежде.

Я ненавидел ее.

Конечно же, все это устроил Джейсон. Один из его больничных коллег уезжал на полгода в Канаду и не хотел оставлять дом без присмотра. К тому же он не

желал сдавать квартиру через агентство – и, поскольку я (весьма неохотно) искал, куда бы съехать со старой квартиры, Джейсон предложил нам оказать друг другу услугу. Аренда стоила на удивление недорого – хотя Джейсон категорически все отрицал, подозреваю, он вносил в нее определенную лепту.

Даже так я испытывал сильные сомнения до тех пор, пока на чашу весов не легло появление в моей жизни Рэйчел. Оставаться в моей старой квартире опасно, настаивала она. Однажды на меня там уже напали и едва не убили. Неужели я и дальше буду из-за своей дурацкой гордости и упрямства игнорировать советы полиции?

Я не знал, что возразить ей.

Несколько лет назад Грэйс Стрейчан напала на меня с ножом и оставила истекать кровью на пороге моего собственного дома. Буйная психопатка, которой в голову втемяшилось, будто я повинен в смерти ее брата, она исчезла после нападения, и с тех пор никто ее не видел и о ней не слышал. Потребовалось много времени, чтобы зарубцевались шрамы, особенно те, что на психике, но постепенно я убедил себя в том, что опасность миновала. Хотя, конечно, трудно было поверить и в то, что человек с нестабильной психикой мог оставаться непойманным так долго – если, конечно, ей кто-нибудь не помогал. В общем, я решил, что Грэйс Стрейчан мертва или, по крайней мере, уехала за границу. Куда-нибудь, где она не представляет угрозы.

В начале года, когда я работал на расследовании убийства в Эссексе, полиция, прибывшая ко мне домой по вызову о попытке взлома, обнаружила на двери отпечаток ее пальца. При этом неизвестно, как долго отпечаток там оставался. Вероятно, его просто не заметили после нападения на меня. Однако не исключалось, что Грэйс вернулась, чтобы завершить начатое.

Даже тогда я не желал переезжать. Нет, я не так сильно привязался к этой квартире: из всех связанных с ней событий в памяти сохранилось только покушение Грэйс и не слишком удачная любовная связь. Просто хотелось если и переезжать, то на своих условиях.

Этот же переезд напоминал бегство.

Убедили меня в конце концов не рекомендации полиции и даже не инстинкт самосохранения. Лишь то, что в данной квартире начала довольно часто оставаться на ночь Рэйчел.

Теперь я рисковал не только своей жизнью.

Поэтому я переехал в Бэллэрд-Корт, на адрес, по какому не был прописан, в дом, системы безопасности которого, автоматические ворота и подземная парковка получили одобрение Рэйчел и полиции. Если бы Грэйс Стрейчан вернулась, каким-то образом узнав, что я жив, ей пришлось бы изрядно постараться, чтобы отыскать меня, не говоря уже о том, чтобы подобраться ко мне поближе.

Впрочем, если не считать злосчастного отпечатка пальца, никаких признаков ее существования не было. Полиция продолжала следить за моей пустой квартирой – пустой потому, что у меня не было ни малейшего желания продать ее или сдать в аренду, пока существовал хоть малейший шанс того, что она вновь станет целью нападения. Впрочем, по прошествии нескольких недель численность патрулировавших там полицейских снизилась до минимума. К этому времени я решил, что тревога была ложной, и начал уже строить планы возвращения туда сразу, как мое проживание в безопасном, но бездушном Бэллэрд-Корте завершится. Однако Рэйчел я об этом пока не говорил, полагая, что успеется. Не хотелось испортить нашу последнюю ночь.

Это сделали и без моего участия.

Телефон зазвонил, когда мы готовили обед, притворяясь, будто ей не улетать завтра утром. Вечернее солнце светило в окна, отбрасывая длинные тени и напоминая нам о том, что лето прошло. Я покосился на Рэйчел. Я не ждал никаких звонков и не знал никого, кто мог бы звонить вечером в воскресенье. Рэйчел приподняла брови, но не говорила ничего, пока я не взял свой мобильник. На дисплее высветилось имя: «Шэрон Уорд».

Я снова повернулся к Рэйчел:

– Это по работе. Мне не нужно отвечать.

К уголкам ее глаз сбежались тонкие морщинки, но выражения самих глаз, когда она отворачивалась, я прочитать не сумел.

– Думаю, нужно, – сказала Рэйчел.

Глава 2

Большинство людей считают мою профессию странной. Даже жутковатой. Я провожу с мертвыми не меньше времени, чем с живыми: изучаю последствия процессов разложения и гниения, чтобы идентифицировать останки и понять, что привело их к подобному состоянию.

Вызвать меня на такую работу могут в любое время суток, поэтому, едва увидев на дисплее фамилию Уорд, я сразу понял, что это означает. В нашу первую встречу, когда часть тела подбросили в буквальном смысле этого слова к моему порогу, Уорд занимала должность детектива-инспектора. Но с тех пор ее повысили до старшего детектива-инспектора, и возглавляла она теперь один из столичных отделов расследования убийств.

И если Уорд позвонила вечером в воскресенье, то уж никак не для того, чтобы просто поболтать.

Кстати, вот отличная иллюстрация моей самонадеянности: у меня не мелькнуло ни малейшей мысли насчет того, что это как-то связано с моей безопасностью. А ведь несколько месяцев назад именно Уорд сообщила мне, что отпечаток пальца на моей двери принадлежит Грэйс Стрейчан. С тех пор мы встречались с ней несколько раз – она информировала меня о ходе поисков местонахождения женщины, которая пыталась меня убить. Они, правда, ничего не дали. В общем, я даже не сомневался в том, что Уорд не может звонить мне иначе как по работе.

Так оно и было. На чердаке заброшенной больницы в Блейкенхите на севере Лондона обнаружили труп. Старой больницей не пользовались уже много лет, если не считать бомжей и наркоманов. Неопознанные останки пролежали там, похоже, долгое время, и их состояние требовало оценки эксперта-антрополога. Раз уж так произошло, не мог бы я подъехать и посмотреть?

Я ответил, что мог бы.

Это вовсе не означало, что я не хотел провести этот последний на три месяца вперед вечер с Рэйчел. Но она и сама сказала бы, что лучше уж мне заняться работой, чем если бы мы оба целый вечер бродили по квартире в тоске и печали. Езжай, кивнула Рэйчел, не заставляй людей ждать.

Когда я добрался до больницы Сент-Джуд[1 - Святой Иуда. – Примеч. пер.], сумерки уже сгустились. Я практически не знаю Блейкенхита, но улицы его ничем не отличались от других – та же невообразимая смесь культур. Магазинчики и лавки готовой еды навынос с карибскими, азиатскими и европейскими вывесками перемежались с заколоченными витринами. По мере моего продвижения процент последних все возрастал, и под конец фонари освещали совершенно уже пустынные улицы. Вскоре дома сменились длинной, тянувшейся вдоль дороги оградой. Поверх высокой кирпичной стенки виднелись кованые чугунные решетки, сквозь которые, словно пытаясь сбежать из плена, торчали ветки. Я решил, что это парк, но тут неожиданно подъехал ко входу. Два массивных каменных пилона поддерживали ржавую арку из той же чугунной ковки, на которой большими буквами значилось: «Королевская больница Сент-Джуд». Пониже на стене висел выцветший транспарант: «Спасем Сент-Джуд!»

У одного из пилонов дежурила молоденькая девушка-констебль. Я назвал себя и подождал, пока она свяжется по рации с начальством.

– Прямо по дороге, – сказала она мне.

Когда я проезжал под аркой, мои фары высветили схему больничной территории, такую облезлую, что разобрать на ней что-либо было практически невозможно.

Мое первое впечатление насчет парка было не так далеко от истины. По крайней мере, ограждавшая территорию стена почти целиком скрывалась за старыми деревьями. Наверное, раньше тут было много зелени, в которой утопали больничные корпуса. Теперь это превратилось в пустырь. Находившиеся здесь прежде здания снесли, оставив груды кирпича и бетонных обломков.

Казалось, я еду по разбомбленному городу, освещавшемуся только двумя пучками света фар. Высокая ограда и деревья не пропускали уличного света, из-за чего больничная территория выглядела еще более заброшенной. Обогнув

очередную темную груду строительных обломков, я увидел несколько полицейских автомобилей и микроавтобусов, припаркованных у входа в единственный оставшийся больничный корпус. Здание в викторианском стиле имело три этажа и высокое крыльцо перед совсем уже античным портиком. Все до одного окна на потемневших от времени каменных стенах были заколочены, но даже так здание сохраняло какую-то величавость. Фасад украшался замысловатым карнизом, портик опирался на колонны с канелюрами. И все это венчалось башенкой с часами, торчавшей в ночное небо указующим перстом.

Я снова назвал себя, и меня проводили в полицейский фургон, чтобы переодеться в защитный комбинезон с марлевой медицинской маской. На крыльце меня встретил Уэлан, представившийся инспектором, заместителем Уорд. Огромная, исписанная граффити двустворчатая дверь пропустила нас в холодный, сырой вестибюль. В воздухе витал запах сырости, плесени и мочи. Полицейские прожектора на треногах высвечивали осыпавшуюся, всю в потеках штукатурку и усеянный рухлядью пол. В стороне виднелась стеклянная будка с табличкой: «Амбулаторный отдел».

Однако разбросанные повсюду банки и бутылки из-под пива, темные пятна кострищ свидетельствовали о том, что какая-то жизнь в больнице еще теплилась. Гулко ступая по каменным ступеням, мы с Уэланом начали подниматься по лестнице, обвивавшей лифтовую шахту. Самим лифтом явно давно не пользовались.

На лестничных площадках стояли те же прожектора на треногах, высвечивавшие покрытые толстым слоем пыли таблички давно забытых отделений: рентгеновский кабинет, эндоскопия, ЭКГ…

– Типичная больница, – заметил Уэлан, когда мы, запыхавшись, добрались до верхней площадки. Несмотря на то что этажей было всего три, высота каждого превратила подъем в нелегкое испытание. – Если вы и не болели, когда попадете сюда, одна эта лестница наверняка вас угробит.

Он двинулся по длинному коридору, освещенному редко расставленными прожекторами. Мы проходили пустующие палаты с темневшими на тяжелых дверных створках смотровыми окошечками. Под ногами хрустела штукатурка, а кое-где оштукатуренный потолок и вовсе обвалился, и над головой торчали голые доски. Бутылок и банок на полу сделалось заметно меньше, что и понятно: кто полезет на такую высоту без веской причины?

Освещенный коридор привел нас к раздвижной алюминиевой стремянке, неправдоподобно новой и блестящей среди всей этой рухляди. По ней мы поднялись сквозь прямоугольный люк на чердак, а там временный настил привел нас к месту, где ждали остальные полицейские.

И труп.

Я еще раз осмотрел его, потирая ушибленную голову.

– Мы как раз начинаем, – сообщила Уорд. – Вы знакомы с профессором Конрадом?

Я слышал о нем. Эксперт-патологоанатом пользовался заслуженной репутацией в своей области, когда я только-только начинал в своей. Еще он славился вспыльчивым характером. Теперь ему было уже под шестьдесят, и характер его с возрастом, похоже, не смягчился. Кустистые седые брови сердито топорщились над маской, когда Конрад повернулся ко мне.

– Рад, что вы наконец добрались.

Голос у него был сухой, высокий, не позволявший понять, упрек это или нет. Краем глаза я снова уловил какое-то движение в темноте, но на сей раз не стал обращать на него внимания. Хватит с меня неловкостей на сегодня.

Уорд повела бровью.

– Что ж, раз все собрались, давайте начнем. Эй, подвинься!

Она бесцеремонно подтолкнула стоявшего рядом криминалиста. Некоторое время все перемещались на шаг-два, освобождая мне путь. Щиты настила уложили вокруг завернутого в пластик тела, чтобы с них можно было дотянуться до любого места. Однако низкие стропила затрудняли работу, да и жара здесь, под прожекторами, была невыносимая.

– Больница закрыта уже несколько лет, так что сюда не ходил никто, кроме бомжей и наркоманов, – рассказывала Уорд, пока я склонялся над трупом. – Тут довольно много народу тусовалось, пока несколько месяцев назад больницу не начали сносить. Мы склоняемся к тому, что это жертва передоза или какой-

нибудь ссоры, которую кто-то спрятал подальше.

Что ж, ни то ни другое не редкость. Я вгляделся в наполовину скрытые пластиком черты… вернее, то, что от них осталось.

– Кто обнаружил тело? Кто-нибудь из тех, кто готовит здание к сносу?

Уорд покачала головой:

– Им положено проверять чердак, но я сомневаюсь, чтобы они забирались так далеко. Нет, это кто-то из общества защитников летучих мышей. Явился сюда с обследованием, а нашел больше, чем хотел бы.

– Летучих мышей?

– Тут целая колония ушанов. – В ее голосе зазвучала сухая, но все-таки ирония. – Этот вид под охраной, так что нам нужно вести себя тихо и осторожно, чтобы не потревожить их.

Значит, то движение мне вовсе не померещилось…

– Застройщики собираются сровнять всю территорию с землей, чтобы отгрохать здесь большой деловой центр, – продолжила Уорд. – Это встречает активное противодействие местных, и история с летучими мышами – последний повод оттянуть снос. Пока они торжествуют: какая-никакая, а отсрочка приговора Сент-Джуд. До тех пор, пока мышей не переселят, или чего они там собираются с ними делать, все строительные работы остановлены.

– Вам может показаться забавным, – вмешался в разговор Конрад, – но из-за этой истории мне пришлось отказаться от приглашения на званый обед. – В его голосе звучало глухое раздражение. – Мне бы не хотелось проторчать тут целую ночь.

Не обращая внимания на сердитый взгляд, которым наградила его Уорд, он с усилием опустился на колени рядом с телом. Я обошел труп с другой стороны и тоже встал на колени. Окруженное дымкой редких волос лицо под пластиком высохло, и кожа на нем сделалась похожей на пергамент. Глазницы были пусты,

от носа и ушей остались бесформенные бугорки.

К царившему на чердаке запаху пыли и старой древесины примешивался теперь другой, исходивший от брезента, – пыльный, приторный.

– Смерть наступила довольно давно, – произнес Конрад тоном, каким обычно рассуждают о погоде. – Судя по виду, труп совершенно мумифицировался.

Нет, подумал я, однако мысли свои до поры до времени оставил при себе.

– Это нормально? – с сомнением спросила Уорд.

Патологоанатом либо не расслышал вопроса, либо не обратил на него внимания.

– Такое возможно, – ответил я за него.

Естественная мумификация возникает в силу разных обстоятельств – от кислотной среды болота до экстремально низкой температуры. Но тут дело было в чем-то ином. Я огляделся по сторонам. Гроздья паутины колыхались на сквозняке.

– Условия для мумификации здесь близки к идеальным. Сами видите, как тут жарко, и даже зимой наверняка сухо. И вентиляция на таком старом чердаке тоже постоянная, значит, влажность всегда низкая.

Пока я говорил, Конрад отвернул еще кусок брезента. Труп лежал на спине, чуть съежившись в складках брезента, – ни дать ни взять мертвая птица в гнезде. Брезент закрывал живот и ноги, но я и так мог бы сказать, что роста покойник небольшого – или подросток, или невысокий взрослый. Из одежды на теле была только полуистлевшая желтая футболка, вся в пятнах от выделявшихся при разложении тканей жидкостей. Из коротких рукавов торчали руки, точнее, обтянутые кожей кости. Как и на лице, похожая на тонкий пергамент кожа сильно потемнела, словно ее прокоптили.

– Руки-то уложили, – заметила Уорд. Действительно, напоминающие птичьи лапы кисти покоились на грудной клетке, будто тело лежало в гробу, а не было завернуто в пластик. – Кто-то не пожалел на это времени. Это означает

сожаление или по крайней мере уважение. Мог ли это сделать тот, кто ее знал?

Ее? Я удивленно посмотрел на Уорд. Пока я не видел ничего, что позволило бы определить пол трупа, а с учетом его состояния процедура определения могла занять несколько дней. Если, конечно, нам не удалось бы найти какое-нибудь удостоверение личности.

– Вам не кажется, что до окончания экспертизы говорить о трупе как о женщине было бы преждевременно? – подтвердил мои сомнения Конрад. При этом он бросил на Уорд уничтожающий взгляд.

Даже маска и капюшон не смогли скрыть того, как она покраснела. Наверное, Уорд просто оговорилась – но вообще-то детективы обычно такого себе не позволяют.

Она поспешно сменила тему:

– А… вы могли бы хотя бы приблизительно назвать, сколько времени прошло с момента смерти?

– Нет, – отозвался патологоанатом, не поднимая головы. – Вероятно, вы пропустили мимо ушей: я сказал уже, что тело мумифицировано.

Теперь Уорд не только смутилась, но и разозлилась. Однако Конрад говорил правду. Стоит телу достичь такой стадии распада, и все последующие физические изменения будут протекать медленно, практически незаметно.

Известны случаи естественной мумификации, при которых человеческие останки сохраняются без изменений сотни и даже тысячи лет.

– Трудно представить, – подал голос Уэлан, прервав затянувшуюся паузу, – что кто-то спрятал тело здесь, пока больница еще работала. Это наверняка случилось после ее закрытия.

– А когда это произошло? – поинтересовался я.

– Десять или одиннадцать лет назад. К всеобщему сожалению.

– Ладно, но это верхний предел. Нам это мало чем помогает, – произнесла Уорд. – Как быстро тело может мумифицироваться до такого состояния? Может подобное произойти меньше чем за десять лет?

– При подходящих условиях – да, – ответил я. – Летом на чердаке очень жарко, и это ускоряет процесс. Впрочем, по виду я бы сказал, что оно пролежало тут примерно два года. Тело почти не пахнет, даже на такой жаре, и это позволяет считать, что процесс мумификации завершился относительно давно.

– Класс. То есть с момента смерти прошло от пятнадцати или шестнадцати месяцев и до десяти лет. Точный анализ, ничего не скажешь.

Мне было нечего возразить. Конрад отвернул брезент. Жесткая синтетическая ткань поддавалась плохо; почти всю ее покрывал толстый слой пыли, цементной или известковой, а также мазки синей краски. Меня больше интересовало то, чего здесь недоставало, но когда патологоанатом откинул остаток брезента, открыв взгляду нижнюю часть тела, все остальные детали разом вылетели у меня из головы.

Ноги, от которых остались практически одни кости, торчали из-под короткой джинсовой юбки, перепачканной тем же, что и короткая футболка. Она задралась до самой груди, обнажая живот… точнее, то, что от него осталось. Вся ее брюшина от низа грудной клетки и до лобка отсутствовала. Если от внутренних органов что-то и сохранилось, они усохли до полной неузнаваемости.

Но не это заставило всех замолчать.

В зияющей дыре виднелось нечто, на первый взгляд напоминавшее пучок крошечных веточек. При виде этого во мне что-то болезненно сжалось, и по тому, как Уорд втянула воздух, я понял, что она тоже опознала это.

– Наверное, крысы постарались, – заметил один из детективов, наклоняясь, чтобы рассмотреть получше. – Кто-то, похоже, умер у нее в утробе.

– Не несите чепухи, – ледяным тоном промолвил Уэлан. – И постарайтесь быть немного тактичнее.

– Что? Но я только…

– Это эмбрион, – тихо произнесла Уорд. – Она была беременна.

По-моему, это зрелище задело даже ее, поколебав обычную профессиональную невозмутимость. Уэлан смерил детектива взглядом, не обещавшим тому ничего хорошего, и повернулся к Уорд:

– Да, мэм, вы были правы насчет того, что это женщина.

И ведь так оно и было, хотя вряд ли Уорд могла знать наверняка.

– Как вы считаете, сколько этому эмбриону?

– Судя по размеру и развитию, месяцев шесть или семь, – ответил я.

Конрад игнорировал наш разговор. Зияющее отверстие на месте брюшины его, похоже, вообще не интересовало.

– Беременность весьма кстати, – пробормотал он. – Если она фертильного возраста, это заметно сужает возрастные рамки. Она одета, белье не тронуто, значит, признаки сексуального насилия отсутствуют. Однако стопроцентной гарантии этого, разумеется, нет.

– Кстати, одета она довольно легко. Ни пальто, ни плаща – только футболка и юбка, – добавила Уорд. – Даже колготок нет, из чего можно заключить, что она погибла в летнее время.

Уэлан покачал головой.

– Если только ее не убили в теплом помещении, а потом принесли сюда. Вот моя жена – она даже зимой в помещении свитера не носит. Просто откручивает обогреватели на полную мощность, а о счетах приходится беспокоиться мне.

Уорд его не слушала.

– Что с… животом? Могли это сделать крысы?

– Спросите меня после вскрытия, – ответил Конрад. Он помолчал, размышляя, потом усмехнулся. – Крысы обычно разгрызают уже существующие раны – поэтому, вполне возможно, она была заколота. Но давайте не будем делать преждевременных выводов, ладно? Начнем с того, что я не вижу на одежде существенных следов крови – что, в свою очередь, свидетельствует о том, что, если рана и имела место, кровоточила она не сильно.

Он был прав. По виду раны мы могли бы предположить о чудовищной травме, которую ей нанесли, но я знал, какие фокусы выкидывает природа.

– Ее сюда притащили, – произнес я.

Все повернулись в мою сторону. Я не собирался делать никаких громких заявлений, но маленький скелетик в утробе матери просто потряс меня.

– Ее тело прежде находилось в каком-то другом месте, – продолжил я. – Сюда его перенесли уже после того, как оно мумифицировалось.

Конрад ворчливо фыркнул, но кивнул.

– Да, вы правы.

– Вы уверены? – спросила Уорд.

– Кости эмбриона лежат в полном беспорядке. Они совершенно перемешаны, даже крысы не могли бы перемешать их так. Значит, это произошло в результате каких-то рывков и сотрясений, в то время как в матке не осталось жидкостей, способных смягчить их.

– Тело завернуто в пластик, – подал голос Уэлан. – Может, это тогда…

– Не исключено. Тело не мумифицировалось бы, если бы все это время находилось в брезенте. Внутри накапливалась бы влага, и оно разложилось бы в обычном порядке. И пластик был бы перепачкан продуктами разложения, как и одежда.

– То есть она сначала мумифицировалась, а в брезент ее завернули уже потом? – уточнила Уорд.

– Думаю, так. Потом еще это. – Я ткнул пальцем в резиновой перчатке в несколько темных, размером с рисовое зернышко крапинок в складках одежды. – Это яйца мясной мухи. Их должно быть гораздо больше. Если бы ее тело лежало здесь длительное время, они усеяли бы все вокруг.

– Какие тут мухи? – нахмурилась Уорд. – Здесь же темным-темно. Как они могут что-нибудь разглядеть?

– Им и не надо. Достаточно запаха. – Почему-то считается, что в темноте мухи не активны, но на самом деле требуется нечто посерьезнее отсутствия света, чтобы избавиться от этих назойливых насекомых. – И если не долетели бы мухи, то уж личинки и в темноте доползли бы.

– Гадость какая, – поморщился Уэлан.

Уорд бросила на него недовольный взгляд.

– И все-таки откуда мухи, если тело мумифицировалось? Разве мумифицированное тело представляет для них интерес?

– Не представляло бы, если бы не начало разлагаться. По потекам на одежде видно, что, прежде чем тело начало высыхать и мумифицироваться, разложение все-таки имело место. Этого более чем достаточно. Мясные мухи чувствуют запах разлагающейся плоти за милю и спешат на него, чтобы отложить яйца в глаза, ноздри и прочие отверстия. И хотя отсутствие кровавых пятен на одежде свидетельствует о том, что серьезных ран она не получила, для того чтобы привлечь мух, хватило бы и маленькой ссадины. На чердаке им потребовалось бы больше времени, но они начали откладывать яйца задолго до того, как до нее добрались крысы. Из отложенных яиц вылупились прожорливые личинки, они стали разъедать изначальную рану – и этот цикл пожирания и воспроизводства повторялся, пока тело не мумифицировалось. А тогда мухи ее бросили.

Уорд хмурилась:

– То есть вы хотите сказать, ее убили в другом месте, а сюда перенесли гораздо позднее?

– Не обязательно. – Я оглянулся на Конрада, на случай, если он захочет ответить. Но патологоанатом снова рассматривал останки. – Где бы это тело ни находилось прежде, условия там не могли не напоминать те, что здесь. Там наверняка было сухо, с хорошими сквозняками и достаточно жарко, чтобы мумификация началась почти сразу. Не слишком частое сочетание.

– Вы полагаете, труп все время находился тут и его только перетащили из одной части чердака в другую? – догадалась Уорд.

– Исходя из того, что я вижу, думаю, подобное возможно.

– Какая-то ерунда получается, – недовольно усмехнулся Уэлан. – Какой в этом смысл? Если кто-то беспокоился, что тело могут обнаружить, почему его не перетащили куда-нибудь в другое место? И зачем было ждать, пока оно мумифицируется?

– Не знаю, – вздохнул я. – Но до сих пор считаю, что вам нужно обыскать весь чердак в поисках кладок мясной мухи.

– Хорошо. – Уорд смотрела на патологоанатома. Тот, не обращая внимания на наш разговор, внимательно изучал сложенные руки трупа. – Вы что-нибудь нашли, профессор?

– У нее кончики пальцев сильно изуродованы. Что-то обглодано грызунами, но, по-моему, дело не только в этом.

– Можно посмотреть? – попросил я.

Конрад подвинулся. С учетом состояния трупа я не мог бы определить, какие повреждения имели место посмертно, а какие нет. Часть пальцев была обглодана острыми зубами, а ногти начали выпадать на ранней стадии разложения. Но то, что осталось от подушечек, было стертым, а ногти – сломанными. Одного вообще не хватало.

– Это не крысы, – произнес я. – Похоже, что часть этих повреждений случилась, пока она еще была жива.

– Ее пытали?

– Вы задаете вопросы, на которые у нас нет ответа, – огрызнулся Конрад. Хрустнув коленями, он поднялся. – Ладно, все, что хотел, я увидел. Можете перекладывать ее на носилки и отправлять в морг. Думаю, мы…

Он осекся: над его головой промелькнула с резким шелестом темная тень. Летучая мышь исчезла в темноте, словно ее и не было, однако успела напугать профессора. Он отшатнулся, взмахнул руками, нога сорвалась с настила и с хрустом погрузилась в полуистлевший утеплитель. Уэлан успел поймать его за запястье, и на мгновение мне показалось, что он удержит профессора.

А потом, под треск ломающихся досок и штукатурки, Конрад и целый кусок чердачного перекрытия провалились вниз.

Глава 3

– Назад! Все назад! – крикнула Уорд и закашлялась: воздух заволокло пылью и блестящими хлопьями стекловаты. Кашляли все вокруг меня, поскольку тонкие медицинские маски были бессильны против такого облака. Пыль набилась и в глаза, но я все же попробовал заглянуть в зияющий провал. Один из прожекторов опрокинулся, и луч его светил в сторону зиявшего в чердачном полу отверстия.

– Это и вас касается, – добавила Уорд. Осторожно ступая по настилу, она тоже подошла к краю. В провале не было видно ничего, кроме свисавших вниз лохмотьев утеплителя и зловеще заостренных обломков деревянных досок. – Профессор! Вы в порядке?

Ответа не последовало. Как у любого солидного дома Викторианской эпохи, высоты этажа хватало на то, чтобы переломать себе кости даже без упавших вслед за профессором деревяшек и железяк.

– Да не стойте же вы как идиоты, черт побери! – крикнула Уорд стоявшему ближе всех к выходу полицейскому. – Спуститесь и посмотрите, как он!

– Вероятно, балки прогнили, – сказал Уэлан, дождавшись, пока полицейский выполнит приказ.

– Мэм, вам не…

Она кивнула и неохотно отступила от провала.

– Хорошо. Выходим все! Медленно, спокойно, по одному, не торопясь! Ну же, шевелитесь!

Кашляя, мы двинулись по извивающейся полосе настила к выходу. Алюминиевые щиты прогибались и скрипели под нашими ногами, и я с облегчением перевел дух, добравшись до стремянки. После раскаленной духоты чердака спуск на прохладный этаж казался чуть ли не прыжком в холодную воду. Уорд с Уэланом пришли последними.

– Вызвать «Скорую», живо! – скомандовала Уорд, растолкав столпившихся у стремянки полицейских в комбинезонах. Потом оглянулась в поисках полисменов, посланных на помощь патологоанатому. – Где Греггс и Пейтел?

В дальнем конце длинного больничного коридора возникло какое-то то движение, и оттуда к Уорд почти бегом бросилась девушка-полисмен с фонариком; вид она имела весьма расстроенный.

– Здесь, мэм!

Кто-то протянул Уорд бутылку воды, но она лишь отмахнулась.

– Как он?

Девушка покачала головой, виновато моргая.

– Э… Не знаю…

– Как не знаете? Ох, чтоб… Ну, с дороги, живо!

Она бесцеремонно оттолкнула девушку, но та снова подала голос:

– Его там нет, мэм.

– Тогда где он, черт его побери?

– Мы… мы не можем его найти.

– Как это? Не мог же он просто так взять и исчезнуть!

В глубине другого, темного коридора мелькнул луч фонарика, и Уорд повернулась в ту сторону. Луч, подпрыгивая, приближался, а за ним из темноты вынырнула фигура полисмена – второго посланного Уорд на поиски.

– Там от этого коридора ответвляются другие, несколько! – задыхаясь, выпалил он. – Мы посмотрели в палате, которая, думали, находится под местом, откуда он упал, и в двух соседних – и его нет ни там, ни там.

– Но он же не мог уйти – после такого-то падения!

– Вероятно, мог, но… – Полисмен замялся, будто не решаясь продолжить. – Я смотрел: в потолке никаких дырок.

– Значит, вы, черт вас подери, смотрели не там! Дайте мне это! – Уорд выхватила у него из руки фонарь и повернулась к Уэлану: – Джек, мне нужно, чтобы этот этаж обыскали. Все до единой комнаты. И куда запропастились «Скорая»?

– Едет, мэм.

Уэлан начал сыпать распоряжениями, а я двинулся за всеми, но он вдруг заявил:

– К вам это не относится, доктор. При всем моем к вам уважении, мы одного эксперта уже потеряли. Пока не убедимся в том, что пол больше не провалится, вы останетесь здесь.

По его глазам я понял, что спорить бесполезно. Раздосадованный, я остался стоять у стремянки, а остальные, шаря перед собой лучами фонариков, разошлись по разным направлениям. Один за другим исчезали они в коридорах и палатах. Когда их голоса и топот немного утихли, я задрал голову и посмотрел на чердачный люк. Уэлан велел мне оставаться на месте, но не мог же я просто стоять столбом, не делая ничего?

Я вскарабкался по стремянке и высунулся по грудь в чердачное пространство. В воздухе до сих пор висело плотное облако пыли, и от этого лучи прожекторов казались живыми существами. Снизу доносились голоса полицейских – судя по тому, что я слышал, профессора они пока не нашли, и я подумал, что отыскать его будет сложно. От люка до места, сквозь которое провалился вниз Конрад, было футов тридцать или сорок, и планировка помещений третьего этажа ничем не напоминала огромное открытое пространство чердака. Судя по всему, плана палат, кабинетов и коридоров у полиции не было и определить, куда именно упал патологоанатом, они не могли.

Но даже так, вслепую, им полагалось бы найти уже профессора. Я неловко топтался на перекладине стремянки, снизу продолжали перекликаться полицейские. Ну же, почему так медленно? С момента обрушения потолка прошло уже минут пять. Если у Конрада открытая рана, он может истечь кровью прежде, чем до него наконец доберутся.

– Профессор Конрад! – окликнул я.

Эхо моего голоса прокатилось по закоулкам чердака и стихло. Я собрался уже спускаться вниз и присоединиться к поискам, что бы там ни говорил Уэлан, когда мне показалось, будто слышу слабый звук. Я замер. Звук не повторился. Но он никак не напоминал голоса полицейских.

Он напоминал стон.

– Профессор, вы меня слышите?

Снова ничего. Я смотрел на островок света в том месте, где лежал труп. В этом году мне пришлось уже наблюдать, как умирает человек. Меня до сих пор мучили кошмары, и мысль, что подобное может повториться, была невыносимой.

Да ну их всех к черту!

Я одолел последние несколько ступенек и осторожно ступил ногой на алюминиевый настил. Балки под ним скрипнули, но не затрещали. Потолок провалился, когда Конрад попал ногой между балок. Значит, если я постараюсь избежать этого, со мной ничего не случится.

Так я, во всяком случае, надеялся.

Чердак казался зловещим, даже когда в нем толпились люди. Теперь, когда я находился здесь один, это ощущение усилилось. Прожектора светили вдоль временного настила, и от этого окружающая их темнота сгустилась еще сильнее. Я шел по прогибающемуся настилу, опасаясь летучих мышей – мне очень не хотелось оказаться застигнутым врасплох подобно профессору, – но пока не видел ни одной. Наверное, шум и суматоха в здании спугнули их.

Завернутое в брезент тело лежало там, где его оставили. Обрушение его не потревожило, что не могло не радовать. Я обошел тело по мосткам, испытывая легкие угрызения совести: вроде невежливо бросать его одного. Однако сейчас больше внимания к себе требовал живой человек.

Осторожно ступая, я шагнул к зияющему провалу. Ближним к нему плитам настила я не доверял, поэтому ухватился одной рукой за стропильную балку и только после этого вытянул шею, чтобы заглянуть вниз. Оттуда в свете опрокинувшегося прожектора медленно поднимались завитки пыли, но дна свет не достигал.

– Профессор Конрад!

Я достал из-под комбинезона мобильник и включил фонарь. Тени неохотно расступились, открыв хаотичную груду досок, штукатурки и утеплителя. Я опустил руку с телефоном ниже: луч фонарика скользнул по чему-то голубому. Я подвинул луч обратно и пошарил немного. Не сразу, но я все-таки догадался, что именно вижу внизу.

Пластиковую бахилу, высовывавшуюся из-под куска утеплителя.

– Какого черта вы здесь делаете?

От неожиданности я едва не выронил телефон. Крепко цепляясь за стропильную балку, я оглянулся на Уэлана.

– Вам же ясно сказали: стойте на месте! Вон отсюда, ну!

– Я вижу Конрада.

Он поколебался:

– Дайте я посмотрю.

Я отодвинулся.

– Вы хотя бы определили, в какую комнату он мог упасть? – спросил я.

– Нет. Там не план, а лабиринт настоящий. Туда нужно пройти сначала по одному коридору, потом по другому – в обратную сторону, и палаты отделены дополнительными перегородками.

Я подумал, что это не так трудно, как Уэлан описывает, однако с учетом его настроения решил, что говорить ему этого не следует. Уцепившись за ту же балку, Уэлан перегнулся через край провала и посветил вниз мощным полицейским фонарем.

– Вы меня слышите, профессор? – крикнул он.

Ответа не последовало.

– Вы его видите? – спросил я.

– Что-то вижу… Похоже на его ногу. Возможно, нам…

Шаги по настилу предупредили нас о приближении Уорд.

– Господи, Джек, что ты, черт возьми, делаешь?

Мы оглянулись на нее. Впервые я обратил внимание на то, как неловко она движется в мешковатом комбинезоне.

– Прошу прощения, мэм…

– Это я виноват, – произнес я. – Мне показалось, будто я слышу стон.

– Что, прямо вот отсюда? – нахмурилась Уорд.

– Мы его видим! – заявил Уэлан.

– Черт побери. – Она стояла, переводя дух, и смотрела на женские останки. – Он в сознании? Ну скажите мне, что он еще дышит!

– Мы пока не знаем. Он завален обломками потолка, не шевелится.

– Дайте посмотреть.

– Мэм, это небезопасно, – возразил Уэлан. – Вам вообще не следовало подниматься.

Не знаю, что удивило меня больше: то, что он вообще сказал это своей начальнице, или то, что Уорд не оторвала ему за это голову.

– Сама знаю, – огрызнулась она и, держась за стропила, чтобы не потерять равновесия, подобралась к нам. – Пожарники со всем необходимым оборудованием уже выехали, и «Скорая» тоже, а мы до сих пор не можем найти его! Господи, чушь какая-то!

– Я мог бы спуститься вниз, – предложил я.

– Нет! – Уорд покачала головой. – Я же сказала: пожарные скоро будут, и у них с собой все необходимое.

– Не факт, что Конрад доживет до их приезда.

– Думаете, я этого не понимаю?

Уэлан прокашлялся.

– Мне больно говорить это, мэм, но, наверное, доктор Хантер прав. Мы не знаем, в каком состоянии профессор, а пожарным придется забираться сюда, на самую верхотуру, со всем своим барахлом. По крайней мере, мне следовало бы спуститься к нему на разведку – хотя бы увидеть, как обстоят дела.

Пару секунд Уорд молчала, уперев руки в бока, а потом сказала:

– Валяй.

Уэлан выкрикнул команды, и на чердак быстро подняли складную лестницу. Уорд запустила на чердак не всех полицейских – только пятерых, из опасения вызвать новое обрушение. Ей ужасно не хотелось оставлять меня наверху, но я переубедил ее: ведь у меня единственного имелось медицинское образование, и оно могло пригодиться до прибытия «Скорой».

За всей этой суетой как-то забылось, из-за чего мы все сюда попали. Тело мертвой женщины и ее нерожденного ребенка переместили подальше от провала, чтобы наша возня поблизости не нанесла им ущерба. По моей просьбе полицейские принесли еще кусок полиэтилена, и пока Уэлан с помощью еще одного полисмена устанавливал стремянку в провал, я накрыл им мумифицированное тело. Пластик мог защитить его от дальнейшего загрязнения пылью и волокнами стекловаты. Впрочем, я отдавал себе отчет в том, что это не единственная причина, по которой мне хотелось укрыть его. Мертвая женщина пролежала здесь бог знает сколько времени.

Мне казалось неправильным оставить ее без внимания хотя бы теперь.

К моей досаде, Уорд заставила меня отойти подальше, пока Уэлан опускал стремянку, стараясь при этом не потревожить обломков, засыпавших патологоанатома. Прожектора переставили так, чтобы они были направлены вниз. Теперь они освещали груду досок и утеплителя, под которой лежал

Конрад, но все остальное скрывалось в темноте.

Вместо того чтобы опереть верх стремянки на ненадежную кромку провала, Уэлан прислонил ее к стропилам и привязал к балке куском нейлонового шнура. Потом подергал, проверяя крепление, и поставил ногу на ступеньку.

– Осторожнее, Джек! – предостерегла его Уорд.

– Это все равно что окна мыть! – откликнулся он и принялся спускаться.

Алюминиевая стремянка шаталась и ритмично поскрипывала, но через несколько секунд застыла: Уэлан добрался до дня. С места, где я стоял, его не было видно, но слышал я его хорошо.

– Так, спустился. Попробую убрать с него весь этот мусор…

Уэлан крякнул, затем снизу послышался стук. Новое облачко пыли поднялось из провала: инспектор освобождал профессора из-под обломков.

– Вот так-то лучше. – Судя по голосу, он запыхался. – Профессор здорово приложился. Пульс прощупывается, однако вид у него неважнецкий. Одна нога, вероятно, сломана, и… черт, здесь полно кровищи.

– Откуда? – крикнул я. – Артериальная?

– Не знаю. Не пойму, откуда она сочится. Может, из ноги, но она подвернута, и я боюсь его трогать. Слышите, мэм, если мы не справимся с этим быстро, то можем потерять его.

Я повернулся к Уорд:

– Позвольте мне? Я бы…

Она отмахнулась от меня.

– Нам нужно попасть туда, Джек. Ты видишь дверь или выход?

– Подождите… Все это похоже на небольшую палату. Несколько коек и еще какой-то мусор, но двери нет.

– Но должна же она быть где-то!

– Тут перегородку кирпичную выложили, и…

Что-то лязгнуло.

– Джек? Джек! Ты в порядке?

Прошло несколько секунд, прежде чем Уэлан отозвался:

– Да, я просто… уронил фонарик.

Уорд облегченно вздохнула.

– Чтоб тебя, Джек, что за шуточки!

– Извините, мэм. Это все койки. – В его голосе звучало напряжение. – На них люди.

Глава 4

Уорд ужасно не хотелось отпускать меня вниз к Уэлану.

– Я не желаю больше рисковать никем, пока не пойму, с чем мы столкнулись.

– Мы знаем, с чем столкнулся Конрад. Он умрет от потери крови, если мы ее не остановим.

– «Скорая» и пожарные будут здесь через пять минут…

– А у него, наверное, и этого времени нет. Я могу, по крайней мере, попытаться остановить кровотечение до их приезда!

– Джек знает приемы оказания первой…

– А я дипломированный врач! И если вы боитесь, что я затопчу улики на месте преступления…

– Это не так, и вы это сами знаете!

– Тогда разрешите мне спуститься!

Уорд вскинула голову:

– Господи! Ладно, только, бога ради, будьте осторожны!

Я не стал ждать, пока она передумает. Осторожно поставив ногу на перекладину, я перенес на нее вес и начал спускаться. Стремянка скрипела и качалась, но я даже не замечал этого. Уэлан придерживал ее снизу, пока я не оказался на полу.

– Осторожно!

Лучи прожекторов били сверху, однако освещали только маленький пятачок пола вокруг нас. Все остальное скрывалось во мраке. Уэлан пригнулся над грудой обломков, светя фонарем на Конрада. Инспектор успел освободить его от досок и штукатурки – хорошо еще, что не кирпичей, – и профессор лежал словно в гнезде из кусков утеплителя. Лицо, белое от штукатурной пыли, было безжизненным, и на нем темными пятнами поблескивала кровь. Он не приходил в сознание, и его дыхание мне не понравилось. Нижняя часть тела находилась в луже крови, в которой плавали хлопья утеплителя. Кровь сочилась из ноги, на которой он лежал, и осмотреть рану можно было, только повернув его. Теперь я понимал, почему Уэлан не хотел трогать Конрада. После такого падения профессор запросто мог повредить позвоночник, а по прерывистому дыханию я заподозрил, что по меньшей мере одно ребро проткнуло ему легкое. Помочь с этим я ему не сумел бы, но мог по меньшей мере постараться сохранить Конраду жизнь до прибытия полноценной помощи.

– Держите его крепко, если он вдруг начнет дергаться, – сказал я Уэлану и осторожно, стараясь не потревожить туловища, подсунул руку под травмированную ногу.

Трогая ногу в том месте, откуда, как мне казалось, текла кровь, я надеялся, что не нащупаю там торчащего обломка кости. Если бы причиной кровотечения было что-нибудь вроде этого, я мало чем смог бы ему помочь – особенно если кость порвала бы одну из артерий. В таком случае Конрад мог бы умереть еще до приезда «Скорой».

Однако никаких острых осколков кости, которых я так боялся, не обнаружилось. Вместо них сквозь тонкую резину перчаток я нащупал рваную дырку в комбинезоне и штанах – на бедре, теплую от сочившейся из-под нее крови. Вероятно, падая, профессор зацепился за гвоздь или острый обломок доски. Плохо, конечно, но все-таки не артерия.

– Приготовьтесь! – сказал я Уэлану. – Сейчас буду зажимать.

Перчатки у меня были уже далеко не стерильными, однако с телом убитой на чердаке не контактировали. И из всех рисков, угрожавших сейчас профессору, инфекция была едва ли не меньшим. Я с силой сжал Конраду ногу. Он негромко застонал и сделал попытку пошевелиться.

– Держите крепко! – скомандовал я, и Уэлан плотно прижал раненого к полу всем весом своего тела.

– Что происходит? – донесся до нас голос Уорд. – Он в порядке?

– А «Скорая» далеко еще? – отозвался я.

– Въезжает на территорию. Будет через две или три минуты.

Значит, не очень быстро. Продолжая пережимать артерию, я уселся поудобнее и сосредоточился на своей задаче. Только потом, удостоверившись, что кровотечение ослабло, смог оглядеться по сторонам.

Впрочем, темнота позволяла рассмотреть немногое. Уэлан говорил, что помещение похоже на маленькую палату, но за исключением маленького светлого островка я не видел практически ничего. Когда глаза немного свыклись с особенностями освещения, я различил в полумраке перед собой неровную, неоштукатуренную кладку из кирпича или блоков. Повернув голову, заметил угловатую раму больничной койки. На ней угадывалась лежавшая человеческая фигура. Мне показалось, за ней виднеется еще одна койка, но это вполне могло быть игрой воображения.

Что бы там ни таила в себе еще эта комната, с этим можно было и подождать.

Стараясь не обращать внимания на боль в уставшей руке, я продолжал пережимать артерию на ноге у Конрада и хотел только одного: чтобы бригада «Скорой» прибыла быстрее.

Небо на востоке начинало уже светлеть, когда я притормозил у ворот Бэллэрд-Корт. Затем я ждал, пока отворятся автоматические ворота, и жужжание электромотора добавляло басовую партию к рассветному птичьему щебету.

Загнав машину на подземную парковку, я выключил двигатель. Двери лифта исполнили незатейливый мотивчик и раздвинулись. За ними стоял мой сосед. С явным неодобрением он скользнул взглядом по моей мятой, пыльной одежде, но тем не менее вежливо кивнул мне и проследовал к своему автомобилю.

– И вам доброе утро, – сказал я пустой лифтовой кабине.

Оставляя на мраморном полу пыльные следы, я шагнул к двери. Отпирал я ее, стараясь производить как можно меньше шума, но стоило мне войти, как запах жареного бекона дал мне понять, что старался я зря. Рэйчел стояла у кухонного стола и нарезала грибы рядом с плевавшейся маслом сковородкой. Рэйчел была одета, прелестна и выглядела на порядок свежее меня.

– Привет! – воскликнула она, сняла сковородку с огня и обняла меня, подставив щеку для поцелуя. – Ты как раз вовремя.

Я вдохнул аромат ее влажных после душа волос.

– Тебе вовсе не обязательно было вставать так рано.

– А вот и нет. Я хотела приготовить завтрак. Я ведь знаю: если не приготовлю, то ты уж точно не удосужишься. Ты вообще ел хоть что-нибудь со времени вчерашнего ленча?

Я вспомнил до ужаса крепкий чай, который принес мне констебль.

– Что-нибудь – да.

Рэйчел скептически повела бровью:

– Ты успеешь принять душ.

Я улыбнулся невысказанному намеку: после нескольких часов истекания по?том в душном комбинезоне душ мне не помешал бы. Впрочем, улыбка моя мгновенно померкла, стоило мне войти в спальню и увидеть стоявший у двери упакованный чемодан. Самолет Рэйчел вылетал ближе к полудню, но ей приходилось брать в расчет возможные пробки на дороге в аэропорт. При мысли об этом внутри у меня как-то сразу сделалось пусто.

Не на такую последнюю ночь я рассчитывал.

«Скорая» приехала довольно быстро, но эти несколько минут показались мне бесконечными. Я с облегчением перепоручил свои обязанности молодой женщине, которая продолжала пережимать артерию, пока ее коллега доставал жгут и бинты. Я отошел в сторону, чтобы не мешать им, стараясь не вытирать окровавленные руки о комбинезон. Теперь у меня появилась наконец возможность получше осмотреть место, в которое я попал.

Бригада «Скорой» была с собственными фонариками, и их дополнительный свет позволил разглядеть три стоявшие в темной части помещения койки. Ближняя пустовала, на двух других лежали неподвижные фигуры.

Я не стал подходить к ним: понимал, что чем меньше лишних следов на месте преступления, тем лучше, а пыли там и так добавилось. Но слабая надежда на то, что это какой-то розыгрыш, что это пара манекенов, оставленных здесь

какими-то шутниками, когда больница закрывалась, исчезла сразу. В воздухе стоял запах, на который я прежде не обращал внимания только потому, что был занят спасением Конрада. Слабый, почти задавленный запахами пыли и штукатурки от обрушившегося потолка, и все равно характерный, сладковатый запах разложения.

Насколько я мог разглядеть с места, где стоял, оба тела лежали полностью одетыми, на запястьях и лодыжках темнели какие-то ленты. Я не сразу сообразил, что это, потом до меня дошло.

Они лежали, привязанные к койкам.

Меня тронули за локоть.

– Давайте не будем им мешать, – произнес Уэлан. – Вот, возьмите.

Он протянул мне пару чистых резиновых перчаток. Не без труда стянув окровавленные, я надел эти, обернулся к бригаде, хлопотавшей над Конрадом, и шагнул к стремянке. Поставив ногу на нижнюю перекладину, я оглянулся в последний раз. Как Уэлан и говорил, у помещения не было ни двери, ни какого-либо другого выхода – лишь глухая стена, еле различимая в тени.

Меня выпроводили с чердака, да и вообще из здания больницы. На втором этаже пришлось задержаться, пропуская пожарных со всем их снаряжением. Выйти в ночную прохладу было почти блаженством. Я пропотел и чесался с головы до ног от стекловаты, пыльный и окровавленный комбинезон стянул просто с наслаждением. Низко над горизонтом висел молочно-белый полумесяц; добродушный констебль протянул мне чашку чая. Я не успел еще допить ее, когда из здания появились медики. Они несли на носилках неподвижного Конрада. Вид профессор имел удручающий. Он до сих пор не приходил в сознание, и его окровавленное тело несли привязанным к носилкам и в специальном воротнике, обеспечивавшем неподвижность шеи и головы. Конрада осторожно погрузили в карету «Скорой», и та, взвыв сиреной и мигая синими огнями, сорвалась с места.

Еще через несколько минут из здания вышла Уорд. Она пообщалась с несколькими подчиненными (в одном случае разговор сопровождался сердитой жестикуляцией) и лишь потом приблизилась ко мне. Стянув маску и откинув

капюшон, Уорд глубоко вздохнула и облокотилась на каменную тумбу у крыльца.

– Господи, ну и ночка! – Она принялась стягивать перчатки. – Спасибо – за то, что вы сделали с Конрадом.

– Как он?

Она откинула с глаз пропотевшую прядь волос.

– Рано утверждать что-либо определенное. Пока пожарники готовили подъемную лебедку, медикам удалось зафиксировать его. Зрачки реагируют, что хорошо, но пока ему не сделают рентген, трудно сказать, насколько все серьезно.

– Конрада эвакуировали через чердак?

– Решили, что так быстрее, чем ломать перегородку. – Уорд нагнулась, чтобы снять бахилы. – Даже зная, что искать, мы с трудом нашли это место. Перегородку возвели поперек подсобки при одной из палат и снаружи покрасили так, что ее не отличить от стен. Не знай я, что она там должна находиться, я бы ее не заметила. Кто-то как следует постарался, чтобы ее не обнаружили. И отсюда следует неизбежный вопрос: как вы думаете, это связано с мертвой женщиной на чердаке?

– Честно? Без понятия.

Она кинула запылившиеся бахилы в пластиковое ведерко.

– Совпадение это или нет, пока мы не посмотрим внимательно, что там, в этой замурованной комнате, я воздержусь от каких-либо заключений.

Я указал в сторону массивной видеокамеры на стене, объектив которой смотрел на входной портик.

– А видеонаблюдение?

Тот, кто возвел перегородку, вряд ли мог миновать вход в здание, однако Уорд покачала головой:

– Муляж. Вероятно, администрация решила, что настоящие камеры себя не окупят. Да и будь они настоящими, это не сильно помогло бы. Обычно записи хранят несколько недель, потом стирают, а нас интересует более давний отрезок времени.

– И что, здание совсем не охранялось?

– Были тут охранники, но в основном для того, чтобы отгонять протестующих. Застройщики нажили в округе много врагов. Социальные активисты считают, что территорию нужно отдать под бюджетное жилое строительство, а любители старины требуют включения больницы Сент-Джуд в список охраняемых памятников, причем не только здания, но и всего участка. Там, в дальнем его конце, в рощице сохранились руины церкви норманнских времен. Целую кампанию организовали, чтобы территорию объявили представляющей особую научную ценность – вроде Леснес-Эбби-Вудз в Бексли. С той лишь разницей, что там действительно аббатство и куча древностей… В общем, по-моему, они ничего не добьются.

Уорд расстегнула «молнию» комбинезона и начала из него выбираться. Я заметил, что она слегка пополнела, но ничего особенного не заподозрил.

– Короче, как только до девелоперов дошло, что история может затянуться, они сняли охрану, – продолжила Уорд. – Обычное дело. Мол, хватит ограды и запрещающих знаков – а там пусть здание разрушается само по себе, пока им не дадут «зеленый свет» на снос.

– Когда бы не летучие мыши?

Она улыбнулась:

– Когда бы не летучие мыши.

Я оглянулся на дом с заколоченными окнами.

– Думаете, это как-то связано с протестами?

– Надо же начинать с какой-то версии. Впрочем, нам нужно удостовериться в том, что там ничего больше не обвалится. Я не собираюсь ничьими жизнями рисковать, и за один вечер мы и так изрядно затоптали место преступления. Что бы мы ни нашли в той комнате, я не хочу больше никаких новых падающих потолков. – Уорд подергала руку, застрявшую в рукаве комбинезона. – Боже, я и забыла, как ненавижу все эти штуки!

Продолжая недовольно бурчать, она наконец высвободилась из комбинезона. Только тут до меня дошло, что избыточная полнота ее означает совсем иное.

Уорд иронично изогнула бровь.

– Что не так? Полагаете, я перебрала мучного?

Я улыбнулся:

– Сколько недель?

– Седьмой месяц пошел, а кажется, будто целый чертов год. И – пока вы не начали – сразу скажу: да, я знаю, что делаю. Я ведь не хожу на пешие дежурства, значит, могу работать, пока состояние позволяет. Не намерена лишаться должности, сидя дома за вязанием пинеток.

Теперь стало ясно, почему Уэлан переживал, пока Уорд находилась на чердаке. И почему вид мертвой женщины с нерожденным ребенком произвел на нее сильное впечатление. Та была примерно на том же сроке, что сама Уорд.

– Мальчик или девочка? – спросил я, пытаясь заглушить знакомое ощущение пустоты – как всегда, когда вспоминал о беременности жены.

– Не знаю, да и не хочу пока знать. Муж надеется, что это будет мальчик, но я говорю ему, что, если он хочет знать пол ребенка, пусть сам его и вынашивает.

Я знал, что она замужем, но мужа ее не видел ни разу. Хотя мы с Уорд уже несколько раз работали вместе, общались мы с ней больше по делу, а в редких

иных случаях личной жизни друг друга не касались.

Что же, новость добавляла хоть немного света в этот мрачный вечер. Я ждал у машины, пока Уорд проводила инструктаж со своими заместителями и старшими пожарными. Вскоре к их временному штабу присоединились еще трое: мужчина с короткой стрижкой лет тридцати пяти, чьи начальственные манеры позволяли предположить в нем шефа Уорд, и мужчина с женщиной помоложе, волочившиеся за ним хвостом. Вид все трое имели не самый счастливый. Мало того, что следственная группа уже понесла потери в лице патологоанатома, так возникли еще целых три трупа, причем смерти их могли быть связаны друг с другом. То, что начиналось как заурядное дело, приобретало гораздо более серьезный оборот.

Через двадцать минут от их группы отделился констебль с сообщением, что я могу отправляться домой. Дальнейшая работа откладывалась до тех пор, пока чердак не будет надежно укреплен. Со мной свяжутся, когда появится необходимость.

И я поехал обратно в Бэллэрд-Корт. О сне до отъезда Рэйчел не могло быть и речи, поэтому, приняв душ и позавтракав, я уселся с ней за журнальный столик с кофе и честно попытался сделать вид, будто это утро ничем не отличается от остальных. И по мере того, как приближалось время отъезда, делать это становилось все тяжелее. Рэйчел не хотела, чтобы я провожал ее в аэропорт, поскольку это лишь продлило бы мучительное расставание, и когда ее телефон тренькнул, извещая о том, что такси ждет внизу, сердце мое болезненно сжалось. Я крепко обнял Рэйчел, вдыхая аромат ее волос, стараясь запомнить его на время разлуки.

– Увидимся самое позднее через три месяца, – произнесла она, поцеловав меня в последний раз.

Входная дверь за ней закрылась, и я вернулся в пустую квартиру. Сияющая чистотой кухня казалась операционной, а абстрактные полотна на стенах гостиной – размытыми пятнами. Я привык оставаться в этой квартире один, и тем не менее все здесь буквально кричало о том, что Рэйчел уехала.

Я мертвецки устал, однако понимал, что не усну, поэтому убрал тарелки в посудомоечную машину и приготовил себе еще кофе.

В кухне имелась ультрасовременная кофемашина, которая сама молола зерна, кипятила молоко и выполняла еще много разнообразных действий. Рэйчел нравился этот агрегат, но, на мой взгляд, он изображал излишние старания ради одной чашки кофе. Я достал с полки банку растворимого, залил его кипятком в кружке и уселся за гранитным кухонным островком.

Теперь, когда Рэйчел уехала, на душе сделалось совсем пусто. Наверное, я мог бы ехать на кафедру позднее, но тогда бы мне пришлось убивать впустую часа два или три. Я открыл Интернет, чтобы посмотреть, не попали ли жуткие находки в больнице Сент-Джуд в новостные ленты. Данные обнаружились в недрах отдела региональных новостей, почти без подробностей: лишь то, что в заброшенной больнице обнаружены человеческие останки. Ни замурованная камера, ни несчастный случай с Конрадом не упоминались.

Разумеется, больница была публичным местом, и полиция не могла держать происшествие в тайне, однако Уорд явно надеялась оттянуть ажиотаж прессы на как можно более долгий срок. Что же, удачи ей, подумал я.

Прочитав то немногое, что писали про следствие, я поискал информацию про саму больницу. Вот уж про Сент-Джуд недостатка в сведениях не было – начиная с петиций и блогов противников сноса и заканчивая любительскими сайтами, посвященными истории больницы. Ее открыли в XIX веке как благотворительное заведение, управлявшееся церковью. К началу пятидесятых годов прошлого века больница заметно разрослась, и вокруг викторианского корпуса появились здания новых подразделений и служб. Все это сопровождалось многочисленными фотографиями разного периода – от пожелтевших отпечатков, запечатлевших возводимые кирпичные стены в окружении только что высаженного сада, и до нынешнего состояния – с заколоченными окнами. Одно фото демонстрировало Сент-Джуд во времена расцвета. Там, где теперь торчали лишь ржавые столбы, красовались больничные отделения. Перед одним находились две медсестры – наверняка выбежали отдохнуть и поболтать. В глубине снимка объектив запечатлел заходивших в высокие двери мужчину с ребенком.

Все эти картины минувших дней навевали грусть. Нет, я не хотел жить в те времена, да и вообще, все эти экскурсы в историю больницы мало помогали расследованию. Зато, посмотрев на часы, я увидел, что убил за этим занятием почти пятьдесят минут. Вполне достаточно, чтобы идти на работу.

Выключив ноутбук, я сунул его в рюкзак, снял с вешалки куртку и со вздохом облегчения захлопнул и запер за собой дверь роскошной квартиры.

Несколько последних лет я подрабатывал на кафедре судебной антропологии одного из крупнейших лондонских университетов. Подобное положение устраивало обе стороны. Моя педагогическая нагрузка была минимальной, однако обеспечивала меня кое-какими средствами, доступом в лаборатории, а также оставляла достаточно времени на работу полицейским консультантом.

В начале этого года ситуация ухудшилась, поскольку полиция осталась мной недовольна в связи с неудачным расследованием. Однако после дела в Эссексе моя звезда снова засияла ярче, да так, что университет предложил мне двухгодичный контракт на более выгодных, чем прежде, условиях.

И тем не менее я медлил с его подписанием. Притом что мое положение в университете представлялось вполне стабильным, я не питал никаких иллюзий насчет того, что произойдет в случае новой неудачи. И после неуверенности и даже раздражения начала этого года сильно сомневался в том, что хочу ждать повторения. Появление в моей жизни Рэйчел многое поменяло, открыв новые перспективы.

Вероятно, настало время изменить и что-нибудь еще.

Я оставил машину в нескольких кварталах от университета и остаток пути одолел пешком. С тех пор как на двери моей старой квартиры обнаружили отпечаток пальца Грэйс Стрейчан, Уорд посоветовала мне не ездить на работу одной и той же дорогой. Береженого бог бережет, сказала она. Тогда это казалось бесполезным занятием, а теперь и подавно, но я дал обещание Рэйчел, так что каждый день парковался на новом месте и даже на факультет заходил не через главный вход, а через служебный.

Учебный год уже начался, и суета в университетских коридорах хорошо отвлекала мысли от опустевшей квартиры.

Брэнда, кафедральный лаборант, оторвалась от бумаг при моем появлении.

– Доброе утро, Дэвид! Как выходные?

– Спасибо, замечательно.

– Не ожидала, что вы так рано приедете. Вы не забыли, что сегодня заседание кафедры?

– Жду не дождусь.

– Ага, вижу. Да, и еще тот журналист-фрилансер прислал письмо. Фрэнсис Скотт-Хейз.

Я вздохнул. Скотт-Хейз преследовал меня уже несколько месяцев в надежде на интервью. Он присылал письма и на мой адрес, и на адрес факультета в надежде получить ответ. Точнее, тот, который его устраивал. На первое письмо я ответил вежливо, на второе – уже грубее, остальные просто игнорировал. Я терялся в догадках, откуда он про меня узнал.

Обычно мое участие в полицейских расследованиях носило исключительно закулисный характер, и меня это устраивало. Увы, мое имя засветилось в репортажах о двух делах: в прошлогоднем – в Дартмуре и более позднем – в Эссексе. Том самом, где мы познакомились с Рэйчел. В общем, я мог не сомневаться в том, что Скотт-Хейз увидел один из этих репортажей и решил, что из этого получится хорошая статья.

То, что у меня на сей счет имелось иное мнение, его, похоже, нисколько не обескураживало.

– Просто игнорируйте его письма, – сказал я Брэнде. – Рано или поздно до него дойдет.

– Вы уверены? Скотт-Хейз пишет во все крупные издания. Разве вам не хочется увидеть свой портрет на страницах журнала?

– Мне послышалось или кто-то сказал слово «журнал»? – раздался голос из-за моей спины.

Сердце мое ушло в пятки. Я повернулся и оказался лицом к лицу с профессором Харрисом, деканом факультета. Он стоял, крепко сжимая в руках сияющий

новой кожей портфель, и одарял меня такой же сияющей, но абсолютно неискренней улыбкой.

Помнится, в период моих неудач как консультанта Харрис держал себя по отношению ко мне гораздо менее обаятельно. Однако теперь ситуация изменилась, и его отношение – тоже.

– Это просто один журналист, который не понимает, когда ему отвечают отказом, – объяснил я.

Брэнда же просто пробормотала слова извинения и снова уставилась в свой монитор.

Харрис кивнул, продолжая улыбаться:

– Если так, возможно, вам следовало бы отозваться. Вы же знаете, что говорят насчет публичности. Небольшое, но удачное интервью положительно сказалось бы на вашей репутации.

Ага. И на репутации факультета.

– Вероятно, позднее, – согласился я.

– Кстати… Я слышал, в заброшенной больнице нашли чей-то труп. Где-то в Северном Лондоне? Уж не заняты ли вы в данном деле? Это ведь так удачно, совсем недалеко отсюда…

Объясните это жертвам, подумал я.

– Ну пока я не имею права…

– Да, да, конечно. Что ж, удачи вам в расследовании. И с интервью.

Брэнда сочувствующие улыбнулась мне, когда за Харрисом закрылась дверь.

– Ответ тот же самый: нет, – сказал я.

Пройдя в клетушку, служившую мне кабинетом, я сразу проверил почту. Она состояла из обычной факультетской переписки, новостных рассылок и пары вопросов от моих аспирантов по поводу их диссертаций. Там же обнаружилось и последнее письмо журналиста-фрилансера.

Моим первым побуждением было удалить его, но после разговора с Брэндой я чувствовал себя обязанным хотя бы прочитать, что он написал. Впрочем, ничего нового я в нем не нашел. Надо признать, Скотт-Хейз писал в престижные газеты и журналы, так что, наверное, мне полагалось бы чувствовать себя польщенным его вниманием. Вероятно, в словах Харриса тоже имелась доля истины: интервью укрепило бы мою репутацию, которой, видит бог, за последний год изрядно досталось.

Однако перспектива увидеть свой портрет на страницах журнала меня абсолютно не прельщала. Я нажал «удалить», и письмо исчезло.

Глава 5

Только на следующий день Уорд позвонила мне с известием о том, что им разрешили забрать с чердака мумифицированные останки. Первой моей эмоцией стало облегчение. Накануне вечером позвонила Рэйчел, усталая после перелета, но возбужденная в предвкушении работы. К утру она должна была находиться на борту исследовательского судна, возможно, уже покинувшего порт и направлявшегося к одному из Эгейских островов. Им предстояло провести в море долгое время, и, хотя на борту имелся спутниковый телефон, использовать его собирались только в самых экстренных случаях. В общем, на связь Рэйчел могла выходить теперь только в зоне покрытия сотовых сетей или при наличии вай-фай- роутера, и следующего разговора с ней мне предстояло ждать несколько дней.

Все это мы понимали еще до ее отъезда, однако, пообщавшись с Рэйчел, я ощущал ее отсутствие еще острее. Поэтому, когда Уорд сообщила, что они готовы возобновить работу, я быстро уладил факультетские дела и поехал на совещание занятых в расследовании полицейских специалистов. Пресса наконец сообразила, что в заброшенной больнице произошло что-то поинтереснее заурядной смерти от передоза, и теперь на улице у въезда на территорию

выстроилась колонна ощетинившихся антеннами телевизионных фургонов, а у ворот толпились репортеры с камерами. Мой приезд вызвал у них оживление, которое, правда, быстро спало, когда дежуривший у ворот констебль пропустил мою машину внутрь.

При дневном свете больница не производила столь гнетущего впечатления, как ночью. Угрожающие тени и неясные очертания оказались грудами строительного мусора и остатками стен сносившихся корпусов. Лишенное милосердной вуали темноты, здание демонстрировало напоказ свою увядающую красоту. Вероятно, прежде оно обладало великолепием загородного дворца. Два длинных флигеля выступали вперед по сторонам псевдоантичного портика главного входа, придававшего дому облик мавзолея. Широкие ступени поднимались к высоким двустворчатым дверям, хотя симметрию нарушал прилепленный в соответствии с современными нормами бетонный пандус для инвалидов-колясочников. Фасад производил впечатление, однако годы заброшенности, конечно, не могли не взять своего. В щели между каменными блоками ступеней пробивалась трава, а потемневшие от времени стены почти сплошь покрылись потеками птичьего помета и граффити. Некогда смотревшие на парк высокие окна были теперь заколочены, а выцветшие щиты с информацией о давным-давно закрытых медицинских отделениях лишь усугубляли ощущение заброшенности.

Совещание проводилось в стоявшем перед входом полицейском трейлере. Впервые Уорд участвовала в нем в качестве старшего инспектора, поэтому откровенно нервничала. Она уронила на пол свои записи и, чертыхнувшись, нагнулась собрать их. После доклада сразу ушла, и я даже не смог с ней поговорить. Зато когда вся казенная часть закончилась и я, переодевшись в комбинезон, пробрался сквозь толпу полицейских чинов и автомобилей к крыльцу, там стоял Уэлан. Рядом с ним находилась констебль в форме, и взгляд ее, направленный на третьего члена их маленькой группы, выражал высшую степень неодобрения. Это был крупный, крепкого сложения мужчина в желтом жилете со световозвращающими полосами. Я направился к ним, но, увидев, что они заняты спором, замедлил шаг.

Точнее, спорил больше крупный мужчина. Лет ему было около пятидесяти, и поверх пояса у него выпирало монументальное пузо, каковым он, судя по всему, в качестве неопровержимого аргумента целился то в одного, то в другую. Желтый жилет вблизи оказался сильно запыленным, а из-под протертой кожи на мысках строительных башмаков просвечивала защитная стальная скорлупа.

Красный цвет лица и обилие на нем лопнувших сосудов выдавали в нем сильно пьющего человека, хотя в данный момент лицо это побагровело еще сильнее от сильных эмоций.

– Можно подумать, мало мне мышей летучих было! Мерзких мышей, чтоб их! А теперь еще это! Я тут не в бирюльки играю – знаете, во сколько это все мне обойдется?

На голову выше Уэлана ростом, он грамотно пользовался своим преимуществом, угрожающе нависая над инспектором. Впрочем, Уэлана это не смущало. Лицо его, когда он отвечал здоровяку, оставалось абсолютно бесстрастным.

– Я сказал уже, что мы приносим извинения за помехи в осуществлении работ… Хотя какие помехи? Бог свидетель, теперь это место преступления. Мы не можем разрешить никаких работ до окончания следственных действий.

– А когда они закончатся?

– Увы, этого я вам сейчас сказать не могу. Но чем быстрее мы все завершим, тем раньше вы сможете приступить к работам. В ваших же интересах оказывать нам содействие.

– Обрадовали! И что прикажете делать до тех пор? Платить моим людям за просиживание штанов?

– Мы искренне вам сочувствуем, мистер Джессоп, но это зависит не от нас. А теперь, если вы не будете против пройти с констеблем вон в тот фургон и подождать…

– Ага, снова ждать! Можно подумать, я мало ждал!

Повернувшись к Уэлану спиной, Джессоп устремился прочь в сопровождении констебля, хранившей такое же невозмутимое выражение лица. Я отступил в сторону, пропуская его, и он вихрем пронесся мимо меня в раздувающемся желтом жилете.

Что-то выпало из жилетного кармана и звякнуло об асфальт. Я опустил голову и увидел, что это очки. Одна из линз выпала из оправы и лежала рядом на грязной мостовой.

– Эй! Вы обронили! – окликнул я Джессопа, подбирая очки.

Он обернулся и испепелил меня взглядом. По-моему, Джессоп даже не понял смысла моих слов. Потом, оставив констебля ждать на полпути к фургону, он вернулся.

– Спасибо, – буркнул он, выхватывая очки у меня из руки.

– И еще вот это, – добавил я, протягивая ему линзу.

Джессоп стоял, хлопая глазами и переводя взгляд со сломанных очков на мою руку с линзой и обратно. От него исходил сильный запах пота, табака и перегара. Затем Джессоп резко развернулся и зашагал обратно к фургону.

Я вернулся к Уэлану. Вид он имел не слишком веселый.

– Видали, каков? Это Кит Джессоп, ответственный за снос. Он уже несколько месяцев потерял из-за протестов и летучих мышей, бедный парень. – Уэлан улыбнулся, едва ли не впервые с начала разговора. – Хорошо то, что нам еще не раз придется иметь с ним дело. О конструкциях Сент-Джуд ему известно больше, чем кому-либо, поэтому мы попросили его помочь нам отыскать иные потаенные помещения… если они, конечно, есть. Ну вы сами видели, как Джессоп обрадовался.

– Думаете, найдутся еще? – спросил я и тут же сообразил, что вопрос глупее глупого: я так много думал о беременной женщине и двух других жертвах, что подобная вероятность просто не пришла мне в голову.

Уэлан покосился на мрачный фасад больницы, смотревший на нас слепыми глазницами заколоченных окон.

– Мы уже, можно сказать, не прикладывая никаких усилий, обнаружили три трупа. С учетом размеров этого здания, бог знает что там еще находится.

Он качнул головой, приглашая следовать за собой.

– Идемте. Только прежде, чем вы приступите к эвакуации останков, мне хотелось бы, чтобы вы кое-что увидели.

Палата, как выяснилось, была в отделении педиатрии, на верхнем этаже, чуть дальше по коридору от того места, где мы поднимались на чердак.

Я и забыл, как холодно на больничных этажах, и в застывшем без движения воздухе густо пахло сыростью и плесенью. Теперь в коридоре выстроилась редкая цепочка прожекторов на треногах. Путь они высветили более-менее ярко, зато тени в углах сгустились сильнее. Как и везде, пол здесь был усеян мусором и обломками штукатурки, которые с хрустом крошились под ногами. На стенах висели плакаты о вреде табака, алкоголя и наркотиков; другие запрещали использование в стенах больницы мобильных телефонов. Мы миновали зашторенную дверь, над которой висела табличка: «Рентгеновский кабинет. Не входить при горящем сигнале». Рядом была красная лампочка, покрытая толстым слоем паутины.

Интересовавшая нас палата располагалась через пару дверей от рентгеновской. Из распахнутой настежь двустворчатой двери в коридор лился свет от стоявших внутри прожекторов, и отбрасываемые им резкие тени мешали разглядеть мультяшных персонажей, украшавших собой стены. Тут еще сильнее пахло плесенью. Из стен торчали покореженные крепления для кислородных баллонов, все помещение было захламлено самыми разнообразными предметами: проржавевшей койкой без матраса, тумбочкой без дверцы и ящика, даже парой старых автомобильных аккумуляторов. К пеленальному столику устало прислонился пыльный плюшевый мишка, а рядом валялись сломанные счеты, разноцветные костяшки которых рассыпались по полу.

– Что, жутковато? – усмехнулся Уэлан, заметив, что я оглядываюсь по сторонам.

– Разве нельзя оторвать хотя бы пару досок с окна? – поинтересовался я. В палате действительно было жутковато. Часть окон закрывалась еще шторами, а деревянные щиты со стороны улицы не пропускали в помещение ни лучика дневного света.

– Могли бы, но тогда какой-нибудь длинноносый ублюдок тоже сумел бы заглянуть сюда длинным телевиком или с дрона. А так мы, по крайней мере, спокойны за то, что наша работа не будет завтра представлена на первых страницах газет.

Уэлан прошел в дальний конец палаты, где прожектора помощнее освещали группу безликих фигур в синих комбинезонах.

Они возились у стены, которая на первый взгляд была самой обыкновенной. Четыре ярда в ширину, три в высоту, она оказалась выложена не из кирпича, а из шлакоблоков и покрашена в цвет, более или менее совпадающий с окраской остальных стен. В общем, я понимал, почему полицейские во время поисков Конрада не заметили ее. Совершенно безликая перегородка и не могла привлечь к себе внимание.

Если, конечно, не знать, что находится за ней.

Приглядевшись, я уловил кое-какие нестыковки. На окрашенной поверхности перегородки отчетливо выделялись прямоугольники блоков, тогда как остальные стены покрывались ровной штукатуркой. И подходила перегородка к стенам с обеих сторон без перевязки блоков, с хорошо заметными вертикальными швами – так бывает в заложенных дверных проемах.

– Как прогресс? – спросил Уэлан, остановившись у разложенных на полу перфораторов, кувалд и скорпелей. Голос его отдавался от стен гулким эхом.

Один из возившихся у перегородки людей оторвался от работы.

– Пока не сильно. Мы залезали на ту сторону и закрепили там полиэтилен, чтобы защитить замурованную камеру от пыли и обломков. Пока все, что успели.

– Уж постарайтесь. Новых несчастных случаев нам не надо.

Уэлан произнес это не угрожающе, но и шуткой это не прозвучало. Снова загрохотали молотки. Я заметил в углу пустую банку из-под краски и пластиковую кювету, обе в следах той же краски, какой была покрыта перегородка. Рядом с ними лежал большой валик в той же, засохшей до

состояния камня краске.

– Это то, о чем я подумал? – спросил я.

– Угу, – кивнул Уэлан. – Кто-то не пожалел сил на то, чтобы замаскировать стену, а потом оставил тут инструменты. Мы сняли с них неплохие отпечатки. И с раствора в швах между блоками. Судя по отпечаткам, крупный тип.

– С их стороны неосторожно, правда?

Он пожал плечами:

– Такое случается. Люди изо всех сил стараются быть хитрее, а потом прокалываются на какой-нибудь ерунде. Ладно, ну их.

Мы снова вышли в коридор. Цепочка прожекторов тянулась дальше палаты, за угол и упиралась в дверь. За дверью была деревянная лестница, уходившая куда-то вверх, в темноту. Мы остановились, давая дорогу спускавшемуся по ней детективу в перепачканном комбинезоне, а потом вошли и начали подниматься.

– Она ведет на часовую башню, – пояснил Уэлан, тяжело ступая по узким ступеням. Здесь витал отдающий перцем запах пыли; деревянные ступени скрипели под нашими шагами. – Только там теперь немного осталось. Механизм вытащили на металлолом, но нам так высоко и не нужно. Мы пришли.

Мы стояли на узкой площадке. Очередной прожектор освещал низенькую, не выше пяти футов, дверь в стене. Штукатурка на стенах осыпалась, открыв взгляду деревянную дранку. Створка двери была открыта, на дверной раме и полотне белели пятна талька: полиция искала отпечатки. С наружной стороны виднелась простенькая металлическая задвижка: круглый стержень, вставлявшийся в петлю на раме.

– На чердак ведет с дюжину люков и лестниц, – сообщил Уэлан. – Но за исключением того, которым мы пользовались вчера, этот ближний к месту, где мы обнаружили тело. Головой не стукнитесь.

Он пригнулся и нырнул в проем. Я последовал за ним и выпрямился. Мы находились на чердаке, но в другой его части – не там, где лежали останки беременной женщины. За нашей спиной громоздилась стена часовой башни, а перед нами уходили в темноту деревянные конструкции кровли, напоминавшие грудную клетку дохлого кита. Даже воздух тут отличался от остального дома: казалось, он здесь тяжелее. Легко заразиться клаустрофобией, подумал я, поворачиваясь к месту, где стоял Уэлан.

Рядом с дверью на чердак алюминиевые щиты, уложенные на деревянные балки перекрытия, образовали временный настил. В центре его было оставлено свободное пространство – прямоугольник грязного утеплителя. В белом свете прожекторов над ним склонились два детектива в белых комбинезонах.

– Мы нашли это пару часов назад, – произнес Уэлан. – Что вы об этом скажете?

Я склонился над открытым участком утеплителя. Он располагался около двери, и неровная поверхность стекловаты была усеяна крошечными черными крапинками, напоминавшими зернышки черного риса. Они казались почти правильным овалом. В центре поверхность утеплителя была чистой, потом плотность крапинок возрастала и снова редела по краям.

Пальцами в резиновой перчатке я осторожно поднял одно зернышко. Похожая на бумажную скорлупка треснула пополам и опустела; организм, находившийся когда-то внутри, давным-давно выполз наружу.

Мы с Calliphoridae старые знакомые. Назойливое жужжание взрослых мух сопровождало множество мест преступлений, на которых я работал. Хотя я не питаю к ним особой любви, однако с уважением отношусь к роли, которую они играют. И не только в процессе распада мертвой органической материи, включая человеческую плоть, но и в определении того, как давно умер конкретный организм. Мясные мухи – естественный секундомер, а их жизненный цикл – от яйца в личинку, а потом и во взрослый организм – оказывает неоценимую помощь в расчетах времени, прошедшего с момента смерти.

Часы остановились слишком давно, чтобы хоть как-то помочь нам. Однако это вовсе не означало, что пустые скорлупки не могут ничего нам поведать.

– Я проконсультируюсь с судебным энтомологом, но в основном тут мясные мухи, – сказал я, разглядывая опустевшую скорлупку. – Не вижу ни одной личинки, правда, спустя столько времени здесь и не должно их быть.

Любая личинка или превратилась во взрослую муху, или погибла и разложилась после того, как иссяк источник пищи. Но хотя лежавшее здесь когда-то тело исчезло, следы его пребывания остались. На поверхности стекловатных матов темнели следы жидкостей, сопутствующих процессу разложения, более-менее ровный овал пустых скорлупок кое-где был нарушен, а часть их – раздавлена.

– Похоже, вы были правы, – произнес Уэлан. – Тело лежало тут, пока не мумифицировалось, а затем его перенесли в глубь чердака.

– Вы ничего не нашли на брезенте, в которое оно было завернуто? – спросил я.

– На нем обнаружили нечто напоминающее собачью шерсть, а в одном из люверсов застрял человеческий волос. Не того цвета, что у жертвы, – значит, не ее. Мы пробьем его по базе ДНК, посмотрим, не найдется ли совпадений, но на это уйдет время. Сам брезент из тех, что можно купить в любом хозяйственном магазине или взять на стройке. Пыль на нем – смесь цемента и штукатурной смеси, а синяя краска самого распространенного сорта, мы даже производителя не можем определить по ней. Наверное, тот, кто переносил тело, спешил и взял для этого первое, что подвернулось под руку. Однако это не объясняет, почему они так долго ждали, прежде чем сделать это.

– Они?

Уэлан махнул рукой в темноту.

– Отсюда до того места, где ее нашли, двадцать или тридцать ярдов. Если только этот кто-то не использовал носилки, тело надо было тащить так. Гораздо проще переносить его, завернув в брезент, но даже так в одиночку это почти невозможно. Не столько из-за тяжести, сколько из-за необходимости сохранять равновесие на узких балках, не провалившись ногой сквозь потолок.

Что ж, логично. И если бы тело женщины просто волочили, это оставило бы четкие следы и на перекрытии, и на самом теле. Ни того ни другого я не заметил.

Я снова пригляделся к месту, где прежде лежало тело. Помимо пятен – следов разложения, – на поверхности утеплителя виднелись и какие-то светлые потеки.

– А это что?

Одна из детективов покачала головой:

– Мы пока не знаем. Для крови слишком светлые. Похожие пятна мы нашли на ступенях за дверью, так что не исключено, это вообще не имеет отношения к телу. Может, просто кто-то что-нибудь пролил. Мы послали образцы на анализ, но что бы это ни было, это слишком старое, чтобы определить точно.

– Мы обнаружили еще кое-что, – добавил Уэлан и ткнул пальцем в дверную раму со стороны чердака. – Вот, видите?

На неокрашенной, потемневшей от времени деревянной поверхности были светлые полосы.

Царапины.

– Это объясняет повреждения на пальцах женщины, – продолжил Уэлан. – Мы даже выдернули из дерева один из ее ногтей. Дверь заперли снаружи, а она достаточно крепкая. Слишком тяжелая, чтобы она сумела сломать ее или выбить.

Господи, подумал я, представив это. Мы полагали, что женщину убили где-то в другом месте, а потом притащили ее тело на чердак. Мы ошибались.

– Кто-то запер ее тут и оставил умирать.

– Чего я не могу понять, – заявил один из детективов, пожилой мужчина, глаза которого печально смотрели поверх марлевой маски, – так это почему она не выбралась через один из других выходов. Ведь этот точно не единственный.

– А как бы ты карабкался здесь, будь ты беременный? – усмехнулась его коллега. – Тебе даже с твоим пивным брюшком нелегко пришлось бы. И откуда

ей было знать, где они?

Действительно, на чердаке царила непроглядная тьма, и мы не нашли на теле ни телефона, ни зажигалки, которыми женщина могла бы посветить. Один неверный шаг – и она провалилась бы сквозь потолок.

– Я только предположил, – обиженно буркнул детектив.

Я все еще пытался понять, что же тут произошло.

– Но зачем кто-то запер ее и ушел?

Уэлан пожал плечами:

– Есть вероятность того, что это случилось непредумышленно. Какой-нибудь розыгрыш, обернувшийся бедой. Люди много чего вытворяют, будучи пьяными или под наркотой, и мы знаем, что здесь тусовались наркоманы. Но я плохо представляю, чтобы беременная женщина пряталась на чердаке забавы ради – под наркотой или нет. Я бы сказал, кто-то либо завлек ее сюда, либо за ней гнались, и она здесь укрылась. В общем, кто-то запер ее тут и бросил. По меньшей мере на несколько месяцев. Возможно, узнав, что больницу будут сносить, они решили перенести труп подальше, в место, где найти его будет меньше шансов.

Неплохая версия, не хуже других. Однако мысль о беременной женщине, за которой гнались, напомнила мне еще кое о чем.

– Светлые пятна на утеплителе, – сказал я, глядя на мятые стекловолоконные маты. – Вы упоминали, что похожие пятна есть на лестнице. Это не могли быть околоплодные воды?

Женщина-детектив присела на корточки и произнесла:

– Да, думаю, такое возможно. Однако пятна слишком старые, чтобы определить точно.

– Вы полагаете, у нее отошли воды? – спросил Уэлан.

– Не исключено. Но если так, судя по тому, что я видел у ребенка, это было преждевременно.

– Значит, она могла умереть от этого?

Я кивнул, потрясенный этой мыслью. Без медицинской помощи преждевременное отхождение околоплодных вод может быть опасным для жизни и в гораздо более благоприятных условиях. Запертые на чердаке без еды и питья, женщина и ее дитя не имели шанса выжить. Все, что им оставалось, – медленно умирать в темноте.

Все молчали. Потом Уэлан повернулся к двери.

– Пошли, – угрюмо буркнул он.

Спускаясь по деревянной лестнице, я остановился у высохших пятен, о которых говорила женщина-детектив. Едва заметные, похожие скорее на потеки воды, чем на кровь. Их было несколько; некоторые размерами не превышали капли, и цепочка их тянулась вверх, на чердак. Они могли оказаться чем-то совершенно безобидным, твердил я себе, какая-то жидкость, пролитая строителем или вообще случайным человеком. Легко вообразить бог знает что, особенно в таких эмоциональных ситуациях, как данная.

Но, следуя за Уэланом по пустому больничному коридору, я никак не мог отделаться от образа молодой женщины, убегавшей от какого-то преследователя – или преследователей. Она искала спасения на чердаке, а оказалась там взаперти. Я снова подумал о царапинах на дверном косяке – глубоких от страха и отчаяния. Изможденная, с преждевременно отошедшими водами женщина боролась за свою жизнь и жизнь ребенка единственным доступным ей способом.

А когда это не удалось, легла на грязный утеплитель и умерла.

Глава 6

В конце концов эвакуация останков женщины прошла без происшествий. К моменту, когда я поднялся на чердак через знакомый уже люк и по проверенным панелям настила подошел к завернутым в брезент останкам, пыль улеглась – и в фигуральном, и в прямом смысле. На чердаке все оставалось так, как в прошлый раз, только дыру, в которую провалился Конрад, огородили пластиковыми барьерами и бело-синей полицейской лентой.

Мне сообщили, что жизни патологоанатома ничего не угрожает, хотя у него сотрясение мозга, сломано бедро, несколько ребер и плечо. Это означало, что в ближайшее время он своими обязанностями заниматься не будет. Поговаривали также о приостановке работ до появления нового эксперта ему на замену, однако Уорд не собиралась ждать. Тем более что специалисты по строительным конструкциям заверили, что непосредственного риска дальнейшего обрушения чердака нет (правда, проверять это на собственной шкуре никому не хотелось).

Первоочередной задачей стала теперь эвакуация трупа с чердака – так быстро, как только возможно. Остальное могло подождать до тех пор, пока труп не окажется в морге. Обычно эвакуация тела жертвы с места преступления не доставляет больших проблем. Даже хрупкие мумифицированные останки не особенно осложнили бы задачу, однако спуск тела через узкий люк потребовал бы, разумеется, осторожности. Проблема заключалась в том, что жертва не только мумифицировалась, но и была беременна. И без амортизирующей жидкости, защищающей плод, любая попытка пошевелить тело матери привела бы к смещению крохотных косточек – они просто перемешались бы, как семена в высохшей коробочке. Мы не могли позволить себе потревожить их сильнее, чем уже это сделали. Прежде чем приступить к эвакуации с чердака останков матери, мне предстояло спустить оттуда ее ребенка.

О подобной задаче я раньше не думал. Было в этом что-то неправильное, граничащее со святотатством – разделять их таким вот образом. Я ждал, пока детектив осторожно закреплял на похожих на птичьи лапки руках женщины с изувеченными пальцами и сломанными ногтями пластиковые пакеты. А потом, пока другой детектив фиксировал происходящее на видео, постарался отбросить все мысли о святотатстве и принялся за работу.

Ничего такого мне раньше совершать не доводилось. Фактически я имел дело с двумя разными типами останков, поскольку по своему состоянию они заметно отличались друг от друга. Если тело матери было подвержено воздействию воздуха, мух и грызунов, то ребенок в ее утробе оказался защищен значительно

больше. Тело матери разрушалось извне, ее внутренние органы по мере высыхания уменьшались в размерах. В обычных условиях ребенок прошел бы те же стадии преобразования, когда бы процесс мумификации не затронул и его.

Вот в этом не было ничего обычного. Брюшная полость матери зияла открытым отверстием, выставляя напоказ крошечные косточки младенца. Будь это следствием прижизненного ранения, на юбке и футболке остались бы хорошо заметные следы крови. Поскольку их не наблюдалось, причину следовало искать в чем-то ином. Собственно, и вариантов-то этого имелось немного… точнее, всего один: крысы. Они обитают на чердаках, и тело женщины наверняка подвергалось их нашествиям, прежде чем мумифицировалось. Однако, в отличие от широко распространенного мнения, основными падальщиками, пожирателями человеческих останков являются вовсе не крысы. Лисы, собаки и даже домашние кошки гораздо более прожорливы, и при таких размерах их трудно в этом винить. Стоило бы любому из этих животных попасть на чердак, и последствия были бы аналогичными. Процесс пожирания тела начался бы с мягких тканей лица и шеи, а закончился бы разгрызанием костей. Кстати, по тому, как далеко зашел этот процесс, также можно с относительной точностью определять время, миновавшее с момента смерти.

Впрочем, судя по тому, что я видел, здесь такого не происходило. Отметины зубов ограничивались более или менее открытыми частями тела. Помимо травм от бесплодных попыток выбраться с чердака, подушечки пальцев носили следы маленьких крысиных зубов, что исключало возможность идентификации трупа по отпечаткам.

Подобные же следы были на ушах, носу и веках женщины, из-за чего лицо превратилось в зловещую маску. Все это позволяло предположить, что этим не занимался никто крупнее крыс. Хотя края вскрытой брюшины также были обглоданы, а крошечные кости эмбриона удостоились еще большего внимания, похоже, все это закончилось довольно давно. Пустые оболочки яиц внутри брюшной полости подсказали мне, что личинки Calliphoridae тоже приняли участие в пиршестве, и я склонялся к мысли, что основной ущерб останкам нанесли не крысы, а именно они.

Мухи откладывают яйца в брюшную полость только при наличии открытой раны. Для этого ране не обязательно быть большой: даже пореза или царапины достаточно, чтобы послужить насекомым приглашением к трапезе. Однако никаких следов того, что перед смертью жертва получала какие-либо травмы, я

не видел: ни бинтов, ни пластыря, ни на теле, ни в складках брезента, в котором переносили тело. Да и на том месте, где тело лежало первоначально, тоже не обнаружили ничего подобного.

Что ж, эта загадка могла подождать до прибытия в морг.

Переставив одну из треног с прожектором ближе, я сосредоточился на горстке трогательно крошечных косточек. Пока я занимался ими, громкий стук снизу известил всех, что ложную перегородку наконец начали демонтировать. Я не позволил себе отвлечься на это.

Работа с хрупким скелетом неродившегося ребенка требовала предельной осторожности. Он сохранился не полностью, поскольку отдельные кости растащили крысы, или кто его здесь нашел. Оставшиеся кости отцепились друг от друга и перемешались – скорее всего, пока мумифицированное тело матери переносили на это место. Впрочем, крысы тоже приложили к этому старания. Я вынимал кости по одной и укладывал в маленькие пластиковые мешки, стараясь не путать правые и левые. Миниатюрный размер скелета означал, что процесс этот будет долгим, и все это время меня поджаривал стоявший рядом прожектор.

Поглощенный извлечением крошечного позвоночника с помощью пары пинцетов, я не стал оборачиваться на шум тяжелых шагов по настилу.

– Вы еще долго? – раздался голос Уэлана.

– Ровно столько, сколько потребуется.

Ответ прозвучал резче, чем хотелось бы. Я пытался отвлечься от мрачного характера своего занятия; судя по всему, у меня это плохо получилось. Я уложил позвоночник в мешок и выпрямился.

– Примерно половина еще осталась, – сообщил я. – Быстрее не сумею: кости можно повредить.

– Да, я понимаю.

– Как там у них, продвигается?

– Помаленьку. Мы решили не использовать электрических инструментов. Только молотки и долота. Не так скоро, зато и пыли меньше. Надеюсь, к полудню пробьемся и запустим туда детективов.

– А где Уорд? – Я не видел ее с того момента, как она ушла с утреннего совещания.

– У руководства в Управлении, но должна подъехать позднее. Она хотела поговорить с вами.

Я кивнул. Как только Уэлан ушел, я снова склонился над останками, выуживая ребро размером с рыбью косточку.

Я даже не удивился тому, зачем понадобился Уорд.

Грачи, угнездившиеся наверху разрушенной стены, походили на монахов в капюшонах. Они вполне могли сойти за каменных, когда бы время от времени один из них не склонял голову набок или не копался клювом в перьях. А потом все снова замирало, и птицы молча ждали.

Едва видная сквозь густой плющ, лишенная крыши церковь стояла на поляне, окруженной деревьями в осенней листве. Точнее, из стен осталась только одна, и сквозь арочное окошко в центре ее сияло безмятежно-голубое небо. Другие стены уже несколько веков назад превратились в груды поросшего мхом камня. Посередине бывшего нефа лежал поваленный ударом молнии дуб. Не такой древний, конечно, как сама церковь, но все равно очень старый. Корявый ствол его потемнел и обуглился в месте, куда попала молния. Смертельно раненное дерево продолжало цепляться за жизнь, и на ветвях его росло еще несколько листиков.

Даже не верилось, что я отошел от больницы всего на расстояние броска камня, а за стенами парка царит обычная лондонская суматоха. По стволу дерева скользнула белка, задержалась, чтобы недовольно фыркнуть на меня, и шмыгнула дальше в крону. Я смотрел ей вслед, потом закрыл глаза и запрокинул голову, подставляя лицо солнцу.

Закончив дела на чердаке, я испытывал острую необходимость проветриться. После того как кости ребенка были извлечены и унесены вниз, эвакуация останков женщины представлялась сущей безделицей. И я с облегчением вздохнул, когда все завершилось. Залитый светом прожекторов чердак казался тесным и лишенным воздуха, и я пропотел насквозь задолго до того, как закончил работу. И не могу сказать, чтобы меня раздражал физический дискомфорт: к такому я привык давно. Да и мрачный характер того, чем я занимался, тоже вряд ли был тому причиной. Скорее проблема заключалась в самой больнице. Здание зловеще действовало на нервы – и чем дольше ты в нем находился, тем сильнее становилось это ощущение. Я надеялся, что это пройдет, когда спущусь с чердака. Но и в длинных, полных гулкого эха коридорах лучше не стало. Им, казалось, не будет конца, здесь царил запах плесени и мочи, а цепочка прожекторов, освещавших дорогу, лишь сгущала темноту вокруг. Свет из коридора, падая сквозь открытые двери в палаты, выхватывал из темноты клочки интерьера: перевернутые стулья, сломанные каталки… Если здесь когда-то исцеляли людей, следов этого на ободранных стенах практически не сохранилось. Привести сюда людей могло теперь только отчаяние.

В общем, выйдя на улицу, я испытал облегчение. Даже выхлопы дизельных генераторов казались мне слаще воздуха внутри здания. Однако я понимал, что передышка эта временная: процедура официального вскрытия женщины и ее неродившегося ребенка могла произойти самое раннее завтрашним утром, а до той поры оставались еще жертвы в замурованной комнате. И мне предстояло дождаться, пока перегородку снесут, а потом вернуться в больницу.

Стянув с себя комбинезон, я взял сандвич и бутылку воды и обошел здание, чтобы посмотреть, что там. «Там» не было ничего, кроме разрушения. На растрескавшемся асфальте еще виднелась выцветшая разметка стояночных мест, но все служебные постройки превратились в груды строительного мусора. Из одной такой груды кирпичных и бетонных обломков, уже успевших порасти травой, торчала пыльная вывеска: «Выдача тел в морге с задней стороны здания».

В полусотне ярдов за обломками темнела полоса деревьев. Припомнив то, что говорила Уорд про лес за больничной территорией, я направился в ту сторону. На полпути меня остановил и едва не завернул назад полицейский с собакой, патрулировавший территорию, однако после короткого объяснения все же пропустил меня дальше.

Лес был небольшим, скорее его можно назвать рощей – да в этой части города я и не мог ожидать настоящей чащи. Ржавая чугунная ограда с торчавшими вверх под самыми причудливыми углами штырями обозначала границу больничной территории. Кое-где она целиком скрылась под вьющейся зеленью, и я даже засомневался, сумею ли найти проход в лес. Но нет, одна из секций ограды с заостренными наподобие копий штырями вывалилась, оставив брешь в ярд шириной. Узенькая полоска примятой травы подсказала мне, что не я первый открыл это место. Раздвигая готовые оцарапать кожу ветви, я пробрался в рощу.

Я будто попал в другой мир. Это ничем не напоминало упорядоченные городские посадки; деревья – дубы с толстенными корявыми стволами и березы – здесь росли древние. Стоило мне сделать несколько шагов, и лес вокруг меня сомкнулся, а больницы, да и всего остального Лондона словно и не существовало вовсе.

Я не собирался забираться в лес глубоко, однако, увидев впереди подобие просвета, направился туда. Уорд говорила что-то про развалины норманнской церкви, но я совершенно забыл об этом, пока не вышел на поляну и не увидел остатки каменной стены. Вероятно, раньше, когда вокруг были поля, церковь служила заметным ориентиром. Теперь же от нее осталась одна стена, по камням которой карабкался плющ, будто пытаясь утащить ее в землю.

Перешагнув поросший мхом камень, я осторожно пробрался в то, что некогда было церковным нефом. Своды его давно обрушились, открыв его дождям; почти все внутреннее пространство занимал упавший дуб. Я присел на поросший травой кусок каменной кладки и откусил от безвкусного сандвича. Напрягая слух, я слышал далекий шум городского движения, но сюда он долетал негромким шелестом, который мог бы сойти и за морской прибой. Ветерок зашелестел листвой, заглушив и это. Закрыв глаза и подставив лицо солнцу, я наконец почувствовал, что зловещая хватка Сент-Джуд потихоньку отпускает меня.

Наверное, я задремал. Проснулся я резко, ощутив, что нахожусь тут не один.

На краю поляны стояла женщина. Я не слышал ее приближения. Крупного телосложения, она выглядела лет на шестьдесят. Коричневое пальто было слишком теплым для такой погоды, а полукеды на шнуровке совершенно не подходили к плотным колготкам. В одной руке женщина держала пустой пакет для мусора. Седые волосы имели рыжеватый оттенок, который придавал им вид

ржавой проволочной терки. Лицо отличалось мощными челюстями и нездоровой бледностью. Дышала женщина тяжело, с присвистом, я слышал это даже на таком расстоянии.

– Вы кто? – спросила она.

Я поднялся.

– Простите, не хотел вас пугать.

– А я не говорила, что напугана. – В маленьких глазках, изучавших меня поверх пухлых щек, мелькнуло подозрение. Женщина указала в сторону скрытой за деревьями больницы. – Вы из той компании?

– Какой компании?

– Из полиции. Что понаехала из-за убийств, я по радио слышала. – Она осмотрела меня с ног до головы. – Что-то вы не слишком похожи на полицейского.

– Я не полицейский.

– Тогда что вы здесь делаете?

– Я уже ухожу. – Действительно, мне пора было возвращаться. Я подобрал бутылку воды и остатки сандвича.

– А если вы не из полиции, кто вы вообще такой? На торчка тоже не смахиваете. А если вы даже из тех, зря время тратите. Тут не торгуют.

– Вот и хорошо, а я не покупаю. Впрочем, мне стало интересно: откуда вы знаете, что здесь не торгуют?

Уорд говорила мне, что больницу облюбовали наркоманы, так что, вполне вероятно, по меньшей мере одна из жертв была либо наркозависимым, либо дилером. И если эта женщина что-нибудь видела, она могла стать свидетелем.

– Это пока здесь полиции не протолкнуться? Чисто муравейник какой!

– А пока ее не было? Разве тут не приторговывали?

– Глаза разуйте, а? Пристойному человеку сейчас и на улице не показаться… – Женщина прищурилась. – А чего это вы вдруг спрашиваете?

– Я только…

– Думаете, я тоже из этих?

– Нет, я…

– Ублюдки паршивые! Повесить их мало, всех до одного! Губят приличных людей своей заразой, и всем на это начхать, разве не так?

Я попробовал сменить тему:

– Я раньше вообще про это место не знал. Вы здесь рядом живете?

– Да уж недалеко. – Она огляделась по сторонам, нахмурилась, увидев в траве две пустые бутылки из-под пива, и, с отвращением подобрав их двумя пальцами за горлышко, кинула в пакет. – Только посмотрите на это! Грязные ублюдки, нет чтобы за собой убрать…

– Так вы за этим сюда пришли? – Я наконец сообразил, зачем ей пустая сумка.

– А что, запрещено? Кому-то надо убирать весь этот хлам. Если вы не полицейский, не многовато ли вопросов задаете?

Я поднял руки в знак капитуляции.

Женщина испепеляла меня взглядом, продолжая сжимать в руках пустой пакет. Ну, уже не пустой.

– Идите к черту! – бросила она, повернулась и ушла в лес.

Что ж, откровенно, подумал я, глядя ей вслед. Потом, удостоверившись, что не оставил за собой никакого мусора, направился в больницу.

Глава 7

Уорд так и не появилась, когда я вернулся в больницу. Я натянул свежий комбинезон, перчатки, бахилы и маску. А потом вернулся в темные коридоры.

Казалось, я очутился в подземелье. Даже поднимаясь по лестнице, я ощущал себя так, словно до поверхности земли, до солнечного света и свежего воздуха еще далеко. На верхней площадке я задержался при виде тянувшегося от меня коридора без единого окна. Конец его терялся вдалеке; с таким же успехом он мог продолжаться до бесконечности. Цепочка расставленных вдоль него прожекторов напоминала огни посадочной полосы. Невольно поежившись, я двинулся дальше.

Стук кувалд подсказал мне, что перегородка еще держится. По мере моего приближения цементной пыли в воздухе становилось все больше, а лучи прожекторов были ярче. В самой палате пыль была еще гуще. Двое крупных полицейских стучали молотками по долотам. Тени их метались по стенам; им приходилось обколачивать каждый блок по периметру, выкрашивая цементные швы, а потом осторожно вынимать блоки по одному, оставляя отверстие с зазубренными краями. Полотно рулонного пластика с внутренней стороны перегородки должно было защитить замурованную камеру от пыли.

В палате находились детективы, практически неотличимые друг от друга в белых комбинезонах и масках. Мне удалось опознать Уэлана, но он, увидев меня, отвернулся. Похоже, он не в настроении был разговаривать. И не он один. В воздухе буквально висело напряжение, едва ли не более плотное, чем цементная пыль.

Из коридора донесся какой-то шум.

– Пропустите, будьте добры! Дайте же собаке увидеть наконец кролика!

Я узнал этот голос: негромкий, но звучный, с хрипотцой, выдававшей в его обладательнице заядлую курильщицу. Что не соответствовало истине, поскольку женщина терпеть не могла табака. Стоявшие у двери детективы поспешно расступились, пропуская в палату миниатюрную даму. Ну не то чтобы совсем уж миниатюрную – скорее так казалось по сравнению с пропускавшими ее полицейскими, которых она не удостоила и взглядом. Женщина остановилась рядом со мной и плюхнула на пол сумку размером едва ли не больше ее самой. Судя по морщинкам, она улыбалась под маской.

– Привет, Дэвид! Давненько не виделись.

Действительно давно. Рия Парек была одним из первых экспертов-патологоанатомов, с которыми мне довелось работать. Старше меня на много лет, она уже тогда считалась в своей области крупным авторитетом. С тех пор многое изменилось. Не исключая, кстати, и самой Парек. Даже капюшон и маска не могли скрыть того, как она постарела. Она и раньше не отличалась высоким ростом, а теперь, казалось, съежилась и ссутулилась. Некогда черные брови поседели, а тот участок лица, который я видел поверх маски, сделался морщинистым, под глазами легли тени.

Я улыбнулся ей в ответ: я действительно обрадовался, увидев ее.

– Привет, Рия. Не знал, что вас подключили к данному делу.

– И не подключили бы, если бы Конрад не облажался. – Она ехидно усмехнулась. Что ж, по крайней мере, характер ее не изменился.

– Как дела?

– А то не видно? Старею. Дряхлею. А так все как прежде. Хорошо выглядишь.

– Вы тоже.

– Лжец. – Впрочем, отворачиваясь от меня к сотрудникам, разбиравшим перегородку, она имела довольный вид. – Напоминает Эдгара Аллана По. «Падение дома Эшеров». Помнишь?

– Смутно. Там кого-то закопали в землю?

– Замуровали, но это почти одно и то же. Правда, там это происходило не в больнице, так что, будем надеяться, сходство этим и ограничится.

– Сходство?

– Ну, у По жертву замуровывали заживо.

Мне вспомнились останки, привязанные за руки, за ноги к койкам – я успел разглядеть их там, в замурованной части палаты, где мы с Уэланом пытались помочь Конраду.

Впрочем, гадать нам оставалось совсем недолго. Очередной блок вынули из стены и переместили в растущую на полу груду таких же. Теперь в образовавшееся отверстие уже можно было пройти. Раскрасневшийся, задыхающийся под маской полицейский отряхнул руки и повернулся к Уэлану:

– Нормально?

Пока пыль и мелкие обломки собирали мощным пылесосом, Уэлан подошел, чтобы поговорить с Парек. Почему-то ему все еще не хотелось общаться со мной, но меня в тот момент больше занимало зияющее отверстие, и я не обратил на это внимания.

– И никого из начальства? – спросила его Парек. – А где же старший инспектор Уорд?

Меня и самого занимал этот вопрос. Удержать ее от присутствия здесь могло только важное совещание.

– Едет сюда, – ответил Уэлан. – Кстати, ей нужно побеседовать с вами, доктор Хантер. Вы могли бы подождать ее на улице.

В первый раз за все это время я задумался над тем, что хочет сообщить мне Уорд… Впрочем, Парек заговорила прежде, чем я успел обратиться с вопросом к Уэлану.

– Ладно, не будем маяться дурью. Заходим. Если бы старший инспектор Уорд не желала бы этого, она бы выставила здесь охрану.

Уэлан открыл рот для возражения, но промолчал и повернулся к отверстию. Взгляда моего он так и продолжал избегать. Полицейский театральным жестом отдернул в сторону пластиковое полотно, за которым царила чернота. Кусок перегородки с вынутыми пенобетонными блоками казался зияющим входом в пещеру.

– У кого фонарь? – спросила Парек, протягивая руку.

– Нам следует подождать, пока укрепят потолок и протянут свет, – произнес Уэлан. Детективы уже разбирали из штабеля стойки строительных лесов и несли прожектора на треногах. – Надо бы натянуть над койками тент: плохо, если на тела будут падать сверху штукатурка и пыль.

– Пока вы это будете делать, я и посмотрю, – заявила Парек тоном, не терпящим возражений.

Принесли фонарики. Уэлан все еще избегал встречаться со мной взглядом.

– Не заходите далеко. И не стойте под местом, где обвалился потолок, – напутствовал он Парек. Вместо ответа та включила фонарь.

– Можете не ходить со мной, если вам страшно! – бросила она.

До меня донеслось чуть слышное «Черт!», а потом Уэлан следом за патологоанатомом шагнул в пролом. Я включил свой фонарь и последовал за ними.

Дыхание мое под марлевой маской показалось мне оглушительно громким. Запах разложения ощущался, однако слабее, чем в прошлый раз. Запах давней смерти.

В прошлый раз я не особенно разглядывал помещение – даже если бы в нем было светлее, мне хватало забот с Конрадом. Луч фонарика высветил камеру примерно тридцать на двадцать футов. Голые, облезшие стены, потолок

слишком высокий для комнаты такого размера. В одном углу громоздилась куча деревянных обломков и кусков утеплителя – остатки обрушившегося потолка.

Луч фонаря Парек нащупал койки. Три койки с тяжелым, давным-давно устаревшей модели стальным каркасом выстроились в ряд.

Две были заняты.

Лучи наших фонарей сошлись на ближней.

Неподвижная фигура в перепачканных водолазке и джинсах лежала лицом вверх на голом матрасе. Капитальное телосложение позволяло заподозрить в нем мужчину, хотя по опыту я знал, что пропорции тела не обязательно зависят от пола. Тело было привязано к койке двумя широкими эластичными бинтами – такими фиксируют пациентов при операции. Один удерживал его за торс и запястья, другой – за ноги ниже колен. Волос на черепе почти не осталось, да и кожа, цветом и фактурой напоминавшая старую перчатку, тоже почти сошла. Голова запрокинулась назад, оскалив зубы то ли в крике, то ли в ухмылке.

Когда-то, еще при жизни, в рот несчастному затолкали тряпичный кляп. Теперь губы и щеки усохли, и он болтался в зубах этаким подобием грязной уздечки.

Второе тело было меньше первого; его тоже привязали к койке, заткнув рот кляпом. Кожа болталась на костях. Правда, волос у него было больше – спутанные темные пряди разметались по матрасу вокруг черепа.

Парек рванулась вперед, однако Уэлан решительно перегородил ей путь вытянутой рукой.

– Простите, мэм, но прежде чем мы начнем делать что-либо, нам необходимо укрепить потолок.

– Я не собираюсь качаться на нем, просто хочу взглянуть поближе! – воскликнула она.

– И у вас будет возможность насмотреться на них. Как только мы все наладим.

Парек раздраженно поморщилась, но спорить не стала. Она выудила из кармана комбинезона очки в черепаховой оправе, бликовавшей в отсветах наших фонарей.

В отличие от останков беременной женщины, эти не мумифицировались. В замурованной камере было гораздо холоднее, чем на чердаке, и перемещение воздуха здесь тоже отсутствовало. Хотя сморщенная кожа начала высыхать, распад тканей у двух этих тел продолжался беспрепятственно, что мы и наблюдали по их теперешнему состоянию. Единственное сходство их с женщиной на чердаке заключалось в том, что в обоих случаях процессы завершились весьма давно.

Имелась и еще одна деталь, причем существенная. Я посветил фонариком под койки, рассчитывая увидеть там пустые скорлупки мушиных яиц и шкурки личинок. Я не заметил там ни одной. Да и на телах следов размножения мух тоже не обнаружилось.

Для этого хватило бы и одной мухи: она отложила бы яйца, из них вылупились бы личинки, из тех – взрослые мухи, которые, в свою очередь, тоже размножились бы, и так продолжалось бы до тех пор, пока хватало бы доступной для питания плоти.

И если подобного не произошло, это означало, что камеру хорошо изолировали.

Я перевел луч фонаря на ближнее тело. Обе руки превратились в клешни с длинными пожелтелыми ногтями. Рукава водолазки задрались, обнажив запястья – точнее, обтянутые дряблой кожей кости. Сама кожа имела оттенок темной карамели, что вполне естественно для данной стадии разложения и не имеет никакого отношения к изначальной пигментации.

– Не думаю, что нам удалось бы идентифицировать их по отпечаткам пальцев, – произнес Уэлан, посветив на руки обоим. Кожа слезла с кистей наподобие не по размеру больших перчаток и от пребывания на воздухе задубела.

Он ошибался, однако с возражениями я мог и повременить. Меня гораздо больше интересовало то, как врезались в руки жертв эластичные бинты. Кожа на ранах разошлась в стороны подобно закатанному рукаву. Обе жертвы были в джинсах, и в местах, где их перетягивали бинты, голубая ткань потемнела от

крови.

– И что мы здесь видим? – спросил Уэлан, понизив голос – впрочем, в таком месте это прозвучало вполне естественно. – Тут кого-то пытали?

Парек посветила фонарем на руки сначала одной жертве, а потом второй.

– Не исключено. Но я не заметила на телах никаких травматических повреждений, если не считать тех, что от повязок.

– Бедолаги могли повредить руки, пытаясь высвободиться.

– Не исключено, но повреждения не только на коже, – сказал я. – Точно это можно установить при вскрытии. По-моему, повязки врезались и в мышечную ткань. А причинить себе самому такую боль… подобное возможно лишь в полном отчаянии. Ну это вроде попавшего в капкан зверя, пытающегося отгрызть собственную ногу.

Уэлан покачал головой:

– И кто бы их за это укорял?

– Не я. И все же никаких следов пыток на телах нет. По крайней мере, физических, – настаивала Парек, продолжая рассматривать тело ближней к ней жертвы. – Зубы на месте, ногти тоже. Я пока не могу исключить удушения. Но то, что единственные видимые повреждения нанесены, похоже, себе самим, заставляет меня предположить, что в момент, когда их замуровывали, они находились в сознании.

– Господи! – воскликнул Уэлан. – И долго это продолжалось?

Парек пожала плечами:

– Если они умерли от жажды или голода, это могло занять несколько дней. Сложно определить прямо сейчас, однако в любом случае смерть не была быстрой.

– Они могли задохнуться?

– Если комнату замуровали герметично, то да.

– Не уверен, – возразил я. – Я и сам поначалу думал так, поскольку здесь не было мух, а уж мухи пробьются даже через самую мелкую щель. Но если бы помещение задраили наглухо, в нем пахло бы гораздо хуже, чем сейчас: ведь выделяющиеся при разложении газы никуда бы не делись. – Я пошарил лучом фонаря по стенам и потолку. – Вот, смотрите.

В углу у пола темнело отверстие, похожее на вентиляционную решетку. Я подошел ближе, опустился на колени и посветил в него. С внутренней стороны оно было затянуто мелкой сеткой, за которой виднелась темная, поблескивающая хитином масса.

– Там полно дохлых мух, – сообщил я, поднимаясь. – В общем, даже при такой их массе решетка наверняка пропускала достаточно воздуха, чтобы два человека могли дышать.

– То есть они не задохнулись, – пробормотал Уэлан. – Вот уж не знаю, что лучше, а что хуже.

Я тоже не знал. Удушение не заняло бы много времени: кислород в помещении довольно быстро сменился бы двуокисью углерода, что вызвало бы гипоксию. Голод и жажда мучили бы значительно дольше.

Стоило встать на место последнему бетонному блоку, и связанные, беспомощные жертвы остались в кромешной темноте, без малейшей надежды на спасение. Надо ли было удивляться тому, что они содрали кожу с рук, пытаясь высвободиться?

Мы с Парек вышли из камеры, освободив место для детективов и техников с прожекторами. В дверях палаты она остановилась и, нахмурившись, посмотрела назад:

– Похоже, кто-то не пожалел сил, чтобы спрятать два тела. Особенно с учетом того, что дом давно собирались снести.

– Вероятно, тот, кто это совершил, не заглядывал так далеко. Или они могли исходить из того, что останки не переживут сноса, – скорее всего и не пережили бы. Даже кости перемололо бы в труху, и шансы на то, что в грудах строительного мусора смогут что-нибудь найти, равнялись нулю.

– Да, – согласилась Парек. – Но зачем париться с перегородкой? В таком месте, как это, полно укромных уголков. И вообще, спрятать тела на территории было бы проще. Или на чердаке – как ту, первую жертву.

Я тоже размышлял над этим. Лес за больницей прекрасно подошел бы для захоронения.

– Наверное, тот, кто убил их, не хотел светиться на камерах наблюдения, – предположил я. – Камеры тут фальшивые, но они могли этого не знать. И не исключено, что к женщине на чердаке эти две жертвы не имеют никакого отношения.

Парек ехидно усмехнулась:

– Только не разыгрывайте из себя адвоката дьявола. Все трое погибли запертыми. Двоих замуровали, скорее всего заживо, и – насколько я понимаю – женщину тоже заперли, только на чердаке. Кстати, вы обратили внимание: коек в камере три. Сдается мне, она кому-то предназначалась.

Мне вспомнились потеки на деревянной лестнице, ведущей на чердак. Возможно, беременная женщина бежала туда в надежде спрятаться от преследователя. Впрочем, пока это оставалось предположением.

– Доктор Хантер!

Я оглянулся. Уэлан разговаривал с незнакомым мне полицейским. Он тоже посмотрел в мою сторону и подошел.

– Внизу вас ждет инспектор Уорд.

– Прямо сейчас? – Я покосился на пролом в перегородке.

Теперь в камере сделалось светло, и пара детективов щелкала затворами фотоаппаратов, пока остальные устанавливали подпорки, укрепляя поврежденный потолок. Минут через пять мы могли бы уже вернуться в камеру.

– Если вы не против.

Лицо Уэлана не выражало ровным счетом ничего, однако я заподозрил неладное.

– Не застревайте там, – напутствовала меня Парек. – Терпеть не могу ждать.

Коридор на обратном пути словно был еще длиннее. После царившей в больнице вечной ночи солнечный свет на улице показался неожиданным. Подслеповато щурясь, я вертел головой в поисках Уорд. Она стояла у одного из трейлеров, разговаривая с кем-то из начальства. Я двинулся в ту сторону и только теперь заметил несколько припаркованных у крыльца темно-серых микроавтобусов, новеньких, с крупной эмблемой – стилизованной двойной спиралью ДНК и надписью «БиоГен». Ниже, буквами поменьше, значилось: «Биологические и патологоанатомические исследования».

– Доктор Хантер!

Ко мне направлялся мужчина в дорогом костюме синего цвета. Я вспомнил: я видел его со свитой в больнице в ночь, когда Конрад провалился с чердака, только теперь лицо его не было столь суровым. Лет тридцати пяти, двигался он с легкостью атлета. Начавшие редеть волосы были тем не менее безукоризненно ровно острижены, а лицо выбрито так гладко, что казалось высеченным из мрамора. От него исходил сильный запах одеколона. Не неприятный, однако навязчивый.

– Мы с вами незнакомы, но я много слышал о вас. Коммандер Эйнсли, – представился он, протягивая руку.

Рукопожатие его было крепким – почти до боли.

Пока мы жали друг другу руки, я пытался сообразить, что привело столь редкую птицу в Сент-Джуд. В замысловатой структуре столичного полицейского управления коммандер занимает место между старшим суперинтендантом и

замом главного комиссара. В общем, на несколько чинов старше Уорд. Похоже, расследование привлекло к себе внимание больших шишек.

– Мне хотелось лично поблагодарить вас за помощь, оказанную профессору Конраду, – продолжил он, сияя профессиональной улыбкой. Зубы у него были ровные, белоснежные, а глаза – раздражающе голубые. – В сложной ситуации, которая могла обернуться гораздо хуже. Вы просто молодец.

Я кивнул. Не привык я к благодарностям старших полицейских чинов.

– Как он?

– С учетом обстоятельств – неплохо. – То, как Эйнсли, не задумываясь, ответил общими словами, заставило меня усомниться в том, что он вообще знает, каково состояние профессора. Краем глаза я заметил, что Уорд тоже увидела меня и поспешно оборвала свой разговор с собеседником. – Я удивлен встретить вас здесь, а не в морге. Когда, кстати, назначено посмертное обследование жертвы с чердака?

– Не раньше завтрашнего утра. – Я собирался добавить, что мне надо помочь с эвакуацией еще двух жертв, но промолчал.

– Что ж, пользуюсь случаем попрощаться. Надеюсь, вы понимаете, почему мы решили подключить к расследованию частных специалистов? – добавил Эйнсли, покосившись на микроавтобусы. – У «БиГена» великолепная репутация и первоклассные специалисты.

К нам подошла Уорд. Она задыхалась от быстрой ходьбы, и я заметил, что, услышав последние слова начальника, она слегка покраснела.

– А, Шэрон. Я как раз говорил, как мы ценим вклад доктора Хантера. – Эйнсли повернулся ко мне, и я вдруг понял, что именно раздражало меня в его взгляде – вовсе не цвет глаз. Пока он не мигал, веки его оставляли на виду весь зрачок – этакий ярко-голубой камешек. Это придавало ему немного кукольный, даже странный вид. – Наверное, вам тоже следовало подумать о переходе в частный сектор. Не сомневаюсь, для человека с вашим опытом там полно возможностей.

– Спасибо, буду иметь в виду, – произнес я, глядя на Уорд.

– Шэрон познакомит вас с экспертом из «БиоГена»? – Он приподнял брови.

– Да, сэр. – Она старалась сохранить невозмутимое выражение лица.

– Вот и отлично. Что ж, доктор Хантер, приятно было познакомиться. С нетерпением жду возможности ознакомиться с результатами вашей экспертизы. Видите ли, это дело вызывает у меня личный интерес. Я слежу за его ходом. С задних рядов, разумеется, – добавил он, кивнув Уорд.

Прежде чем уйти, Эйнсли еще раз пожал мне руку. Я смотрел ему вслед – он уверенно шагал через стоянку к серым микроавтобусам.

– Я как раз собиралась вам сказать! – выпалила Уорд, как только он оказался вне пределов слышимости.

– Что вы подключили частную фирму? – До меня только сейчас начало доходить. Теперь понятно, почему Уэлан отказывался пускать меня туда.

– Только на трупы из замурованной палаты. Вас не отстраняют, мы до сих пор хотим, чтобы вы работали по изначальному делу. Но до тех пор, пока нам не станет известно, связаны ли между собой женщина с чердака и эти, новые, разумно вести эти дела раздельно.

Я покосился на микроавтобусы с логотипом «БиоГена».

– А если они связаны?

– Тогда разберемся, как быть дальше. – Уорд вздохнула. – Послушайте, это не моя идея. Честно. Решение принималось наверху, но я с ним согласна. Дело распухло втрое, и вся эта чертова больница превратилась в потенциальное место преступления. А после несчастного случая с Конрадом все и вовсе распсиховались. Если мы воспользуемся услугами фирмы, которая возьмет на себя лабораторную работу, у нас будет одной головной болью меньше.

Я начинал догадываться, что делал здесь коммандер Эйнсли. Хотя первое расследование, которое Уорд вела в качестве старшего инспектора, начиналось совершенно рутинно, сейчас оно обернулось чем-то иным. Ее начальство занервничало – что вполне естественно в сложившихся обстоятельствах. Впрочем, старший офицер, маячащий у тебя за спиной, вряд ли добавит уверенности.

Или защитит от давления.

– Я не слышал о «БиоГене», – произнес я. Мне все это не нравилось, однако я понимал, что спорить бессмысленно.

– Они о вас слышали. Говорили всякие комплименты, но тоже не хотят, чтобы вы занимались этим дальше. Мне не хотелось бы, чтобы они забрали все в свои руки.

– Спасибо.

Уорд было бы проще сотрудничать с частной фирмой, особенно когда на нее давят сверху. Энтузиазм коммандера Эйнсли насчет моего перехода в частный сектор вдруг перестал казаться мне таким уж случайным.

Уорд передернула плечами.

– Я о них ничего не знаю, а с вами работала. Вы только не ошибайтесь, ладно?

Она говорила это вроде как в шутку…

– Кто у них эксперт-антрополог?

– Дэниел Мирз. Весь такой остепененный, с кучей рекомендаций. Говорят, настоящий перфекционист. Вы о нем слышали?

Я покачал головой: имя это мне ничего не говорило.

– Где они сидят?

– Не знаю, но можете спросить у него сами. – Уорд указала в сторону машин «БиоГена». – Вон он, собственной персоной.

По крыльцу поднимались ко входу в больницу молодой человек и мужчина постарше. Комбинезоны их были того же серого цвета, что и автомобили, с эмблемой «БиоГена» на груди. Капюшонов они пока не поднимали, и это позволило мне определить возраст старшего лет в пятьдесят. Орлиный профиль, бритая голова. Странно, что я не слышал о нем раньше. Конечно, наша структура в последние годы заметно выросла и в ней полно новичков, окончивших университет. Но этот тип явно не из-за парты, и если он занимался нашим ремеслом хотя бы несколько лет, я должен был бы с ним где-нибудь пересечься.

– Добрый день! – произнесла Уорд. – Это Дэвид Хантер. Он работает над другой частью данного дела.

Я собрался протянуть ему руку, но он даже не остановился.

– Буду ждать вас наверху, – сказал он молодому и скрылся в дверях.

Молодой человек остановился перед нами. Осознав свою ошибку, я постарался скрыть замешательство. Даже потрясение. Господи, сколько же ему лет? Ему было лет двадцать пять – тридцать, но он выглядел моложе. Гладко выбритое лицо, огненно-рыжие волосы, крепкое сложение и молочно-белая кожа, сплошь усеянная веснушками – вот они-то и придавали ему вид почти подростка. Он держал в руках алюминиевый кейс – почти такой же, как у меня. Не самое стандартное оборудование, но я знал одного или двух коллег с похожими. Легкий, водонепроницаемый – отличная защита для камеры, ноута и прочего снаряжения, которое я таскаю с собой. Только мой кейс был в царапинах или вмятинах от многолетнего использования, тогда как кейс Мирза сиял новизной, как и все остальное, с ним связанное. В чистеньком сером комбинезоне он напоминал мне школьника в первый день четверти.

Уорд говорила, что у него отличные рекомендации. Естественно, иначе его здесь не было бы.

– Доктор Хантер, – чопорно произнес он. Голос его оказался неожиданно звучным, словно в компенсацию за мальчишескую внешность. Бледные щеки чуть порозовели. – Я читал одну из ваших статей о биохимии разложения. Пару

лет назад. Занятно.

Я не знал, как отнестись к этому, поэтому ответил:

– Всегда приятно познакомиться с коллегой по судебной антропологии.

– Вообще-то я судебный тафономист.

– О. Ну да.

Уорд не совсем верно поняла его профессию, однако ошибка эта вполне простительна. В общепринятой терминологии тафономия изучает процессы, происходящие с биологическим организмом после его смерти – вплоть до окаменения. Применительно к судебной медицине это анализ того, что происходит с мертвым человеческим телом. Он включает довольно широкий спектр научных дисциплин, но ничего существенно нового. При всем моем уважении к данному термину, он означает именно то, чем занимаюсь я сам.

Тем не менее я не называю себя судебным тафономистом, и хотя мне известно несколько человек, которые это делают, так принято скорее в Штатах, а не в Соединенном Королевстве. Однако, помнится, в начале своей карьеры я испытывал предвзятое отношение со стороны уже состоявшихся экспертов, не желавших перемен. И мне не хотелось самому становиться таким же.

– Так у вас образование антрополога или археолога? – поинтересовался я.

– Оба. Я учился по нескольким направлениям, включая палеонтологию и энтомологию, – сказал он, оттянув резиновый ободок перчатки и щелкнув им, словно обрубая разговор. Перчатки у него были того же серо-стального цвета, что и комбинезон. «БиоГен» явно серьезно относился к своему корпоративному имиджу. – Старый монодисциплинарный подход был хорош в свое время, но устарел. Судебная медицина развивается. Необходимо использовать самые разнообразные навыки.

– По-моему, я их использую, – промолвил я.

Он улыбнулся:

– Ну да.

Теперь сомнений не оставалось: Мирз пытался уязвить меня. Уорд смотрела на нас и хмурилась.

– Ладно, общайтесь. Мне пора.

Она повернулась и двинулась к полицейскому фургону. Мы с Мирзом смотрели друг на друга. Я снова поразился тому, как молодо он выглядит. «Дай ему шанс». Вероятно, он просто нервничает. Комплексует.

– Были уже внутри? – спросил я, указав в сторону потемневших больничных стен.

Румянец с его щек сошел, а высокомерный вид остался.

– Нет пока.

– Там довольно мрачно. Они недавно закончили пробивать проход в замурованную камеру в педиатрическом отделении. Интересно будет услышать ваше мнение обо всем этом.

– Вы туда заходили?

– Только за перегородку.

Я немного грешил против истины. Я был там два раза, в первый раз – помогая Конраду. Но не стал упоминать об этом. Похоже, Мирз ревностно защищает свою территорию, а мы и так начали общение не лучшим образом.

– Правда? – Щеки его снова вспыхнули румянцем. – Я понимаю, мы должны выказывать друг другу профессиональную солидарность, поэтому на сей раз обойдусь без официальных жалоб. Однако буду признателен, если вы будете держаться подальше от моего расследования.

Я был слишком потрясен, чтобы говорить. Я и был-то там только потому, что никто не сообщил мне, что меня заменили.

– Вообще-то, с формальной точки зрения это расследование старшего инспектора Уорд, – заметил я, стараясь не выходить из себя. – Но не беспокойтесь, у меня нет нужды заходить туда снова. Палата в полном вашем распоряжении.

– Отлично. В таком случае у нас с вами не возникнет никаких проблем.

Мирз повернулся и устремился к двери. Шея его сзади раскраснелась – почти как волосы. Он перехватил поудобнее свою новенькую стремянку и почти бегом взмыл по ступеням на крыльцо.

А потом темный готический интерьер больницы поглотил его.

Глава 8

Возвращаясь к машине, я продолжал злиться. Мирз выглядел мальчишкой, однако самомнения ему было не занимать. А может, и наглости. По роду службы мне приходилось пару раз встречаться с мэтрами, но судебный тафономист переплюнул почти всех. Впрочем, Эйнсли тоже хорош: надо же, давать мне советы о том, как строить карьеру, после того как сам же отстранил меня от расследования! Ну не всего, но этой части. И хотя я не винил в том, что случилось, Уорд, она могла бы сообщить мне и раньше. А не позволять мне шататься по месту преступления, полагая, что я буду этим заниматься.

Обиженный и раздраженный, я пробирался между полицейскими автомобилями, на ходу расстегивая «молнию» комбинезона. Я почти дошел до своей машины и только тут сообразил, что контейнеры для использованной спецодежды остались далеко позади.

Впрочем, эта промашка вывела меня из моего состояния. Во всяком случае, возвращаясь обратно, я уже обращал внимание на происходящее вокруг. И вообще, напомнил я себе, есть вещи и поважнее моей уязвленной гордости. Я посмотрел на мрачные стены больницы. В это время суток здание заслоняло собой солнце, и тень его дотянулась до автостоянки. Стоило мне ступить в нее, как воздух сделался ощутимо холоднее, словно затхлая атмосфера палат и

коридоров царила и здесь. Мне даже думать не хотелось о том, как ощущали себя те две жертвы, привязанные к койкам в замурованной палате. Воспоминание об этом мгновенно вытряхнуло из головы жалость к себе. Трудно сказать, как долго находились там их тела – сначала они умирали, а потом разлагались в этой ледяной тьме. В тех условиях – при холодной, постоянной температуре воздуха, изолированного даже от летней жары, – это могло занять месяцы. Возможно, даже годы, поскольку ближе к концу процесса разложения изменения замедляются до тех пор, пока не сходят практически на нет.

У контейнера с использованными комбинезонами я постоял, глядя на здание. В первый раз, наверное, я оценил его истинные размеры. Дом был огромен. С потемневшими от времени стенами, с заколоченными окнами он напоминал исполинский, древний-предревний мавзолей.

Гробницу.

Я смотрел на здание и невольно ежился.

Что еще найдется там?

Я тряхнул головой, повернулся и пошел обратно к машине. Мне было бы интересно осмотреть эти два замурованных тела – уж наверняка что-нибудь эти останки сообщили бы. Но даже так я не слишком жалел, когда силуэт Сент-Джуд исчез из зеркальца заднего обзора.

Я и забыл о репортерах, ожидавших за больничными воротами. Подъехав к ним, я обнаружил, что народу там заметно прибавилось. Теперь у ворот собралась целая толпа – и состояла она не только из журналистов. На мостовой перед воротами стояли демонстранты всех возрастов и цветов кожи с плакатами в руках. Полицейские не пропускали их на больничную территорию. Поперек въезда высились металлические барьеры-рогатки. Подъехав к ним, я затормозил и опустил стекло.

– Что тут происходит? – спросил я у женщины-констебля.

– Типа демонстрация, – безразличным тоном отозвалась она. – Вреда от них никакого. Так, перед камерами красуются. Подождите, сейчас выпущу вас.

Пока она сдвигала в сторону рогатки, я изучал плакаты. Стандартные призывы спасти Сент-Джуд соседствовали с почти политическими лозунгами. Растянутый между двумя шестами транспарант гласил: «Людям нужны дома, а не офисы!» Под ним стоял на скамье и обращался к толпе мужчина. Я снова опустил стекло, чтобы слышать его.

– Должно быть стыдно! Стыдно за то, что людям страшно выходить на улицу! Стыдно за то, что людям в этом районе приходится жить на нищенские пособия! И стыдно за то, что людей бросили умирать, как животных! И где? В больнице! Да, именно так: в больнице!

Лет ему было двадцать пять или тридцать. Стильная черная куртка, белоснежная рубашка оттеняла его темную кожу. Он сделал паузу и обвел взглядом толпу.

– Неужели политики или инвесторы, дергающие за ниточки, неужели все они настолько слепы, что не видят даже трагической иронии происходящего? Или им просто плевать? Что сделалось с нашим районом? Магазины вынуждены закрываться, дома стоят заколоченные. А теперь еще это! – Он ткнул пальцем в направлении больницы. – Мы старались спасти больницу от закрытия, и нас проигнорировали. Пытались добиться строительства нового жилья вместо офисов, которые годами пустуют. И нас проигнорировали. Так сколько мы еще будем позволять, чтобы нас игнорировали? Сколько нас должно погибнуть?

Слушатели отозвались сердитым ропотом, над толпой закачались плакаты и сжатые кулаки. Полицейские сдвинули в сторону рогатку, и я поехал вперед. Толпа расступилась, освобождая дорогу, но мне снова пришлось затормозить, потому что прямо перед машиной выбежала женщина. Она сунула мне под один из «дворников» листовку, а когда полицейский начал уводить ее, успела бросить еще одну в открытое окно.

– Завтра вечером собрание! Пожалуйста, приходите! – крикнула женщина.

Листовка упала мне на колени. Отпечатанная на дешевой бумаге, с черно-белой фотографией больницы во всей ее увядающей красе. Ниже красовалась надпись: «Не позволим этому стать символом нашей жизни!» – с подробностями завтрашнего мероприятия.

Я переложил листовку на пассажирское место и поднял стекло. Трогая автомобиль с места, я оглянулся на оратора. Вероятно, инцидент с женщиной отвлек его от выступления, потому что смотрел он прямо на меня. На мгновение мне почудилось в его глазах нечто вроде узнавания. Пусть развлекает публику, подумал я.

На автобусной остановке, на противоположной стороне улицы, поодаль от прессы и демонстрантов виднелся одинокий мужской силуэт. Наверное, я и обратил на него внимание лишь потому, что он смотрел на больницу с каким-то восторженным выражением лица. Уорд стоило бы продавать билеты, мрачно подумал я, нажимая на газ.

Возвращаться домой было слишком рано, поэтому – раз уж у меня неожиданно освободилось чуть ли не полдня – я направился в университет.

Купив по дороге в кафетерии кофе и сандвич, я поднялся к себе в кабинет и включил компьютер. Я не проверял почту с момента выезда в больницу и сразу открыл папку «Входящие». Ничего существенного там не обнаружилось, только еще одна просьба дать интервью от журналиста-фрилансера Фрэнсиса Скотт-Хейза. Этот тип просто не понимает, когда ему говорят «нет», раздраженно подумал я, отправляя письмо в корзину.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Святой Иуда. – Примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bekett_saymon/zapah-smerti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить